

A portrait of a woman with short dark hair and light eyes, looking slightly to the side. The background is a light blue wash featuring a motorcycle. The motorcycle is shown in two positions: one in the upper left corner, angled upwards, and another in the lower right corner, angled downwards. The overall color palette is light blue and white.

Ирина
Волчок

Слабая
женщина, склонная
к меланхолии

Ирина Волчок

**Слабая женщина,
склонная к меланхолии**

«АСТ»

2007

Волчок И.

Слабая женщина, склонная к меланхолии / И. Волчок — «АСТ», 2007

Бывшая свекровь считала Асю слабой женщиной, склонной к меланхолии. Ася и вправду была маленькая, тихая, молчаливая... До тех пор, пока не вырвалась на свободу. Пока не попала в круг людей умных, добрых и смелых. И сама стала такой же сильной, смелой, не боящейся ответственности за жизнь и здоровье других людей. То, что ее называли колдуньей, не имеет никакого отношения к мистике. Все доброе колдовство - это просто умение умножать радость в мире.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ирина Волчок

Слабая женщина, склонная к меланхолии

Глава 1

Понедельники, как правило, Асе нравились. Тех, кого пора было выписывать, выписывали в пятницу. Плановых операций не было, плановые операции назначались на вторник и четверг. Наверное, из суеверия: понедельник – день тяжелый. Экстренных тоже по понедельникам почти никогда не было. Экстренных привозили чаще всего в субботу и воскресенье. Народ предпочитал калечить друг друга в свои законные выходные. И по собственной инициативе калечился в выходные – лыжи, рыбалка, охота, альпинизм, подводное плавание... Да что угодно. Активный отдых. Если уж сосед не засветил тебе по пьянке в глаз монтировкой, так ты всегда сможешь восполнить этот пробел своими силами в процессе активного отдыха. Сил у любителей активного отдыха было столько, что о наличии ума вопрос ни у кого не возникал. Нет, у Алексеева однажды возник. Алексеев тогда только-только начинал работать в отделении. В его дежурство, как раз в воскресенье, привезли активно отдохнувшего на природе мастера спорта по плаванию. Сиганул с крутого бережка в пруд. А в тот пруд аборигены последние сто лет выбрасывали ненужные им вещи.

В том числе – и ту железяку, на которую напоролся мастер спорта по плаванию. Правый глаз, проникающее ранение. Удивительно, что коллеги по активному отдыху сообразили, что проникающее ранение – это не в их компетенции. Бывали случаи, когда пытались оказывать первую помощь своими силами. Сила-то есть... После операции Алексеева очень интересовал вопрос, с какого перепугу можно сигать в незнакомый водоем с крутого берега. Вниз глазами.

– Да ну, – удивлялся мастер спорта по плаванию. – Я же мастер спорта по плаванию! Чего там, подумаешь, незнакомый водоем... И не такие видали.

Глаз ему спас сам Плотников. Но даже сам Плотников до конца операции не был уверен, что сможет спасти. Только потом сказал, что глаз будет видеть почти как прежде. Коллеги из других больниц приходили смотреть на пациента. Пациент борзел:

– Это как это «почти»? Это что, хуже, что ли? А спорт как же? Я же мастер спорта по плаванию! Я же не могу спорт бросить! Нет, вы уж делайте, чтобы как раньше было!

Впрочем, может быть, это он от наркоза слишком долго отходил. Эти, у которых сила есть, почему-то всегда отходили от наркоза чрезвычайно долго и, как правило, не без приключений. Семидесятилетние бабки – и те очухивались быстрее. Поспят немножко – и просыпаются совершенно без сил, но вполне вменяемые. Впрочем, бабкам не всегда давали общий наркоз, бабки и с местной анестезией работать не мешали. И после операции вели себя хорошо. Жили смирно, в пруд с крутого бережка вниз глазами не сигали, не пытались тут же пустить насмарку работу хирурга. Не требовали, чтобы зрение им сделали такое же, «как прежде» – как сорок лет назад, например. Радовались, что вообще прозрели на старости лет. Человеческим голосом говорили: «Спасибо, доктор». Бабок в отделении любили.

Хорошо, что нынче в отделении почти одни бабки. Неделя начинается удачно.

Да, еще же этот, уголовник недобитый. Тоже проникающее ранение. И тоже сам Плотников чинил. В ночь с пятницы на субботу. Повезло уголовнику, попал в дежурство самого Плотникова. Впрочем, Плотников почти не покидал отделения: дежурство не дежурство – он все равно здесь. Фанатик. Вот только сегодня его с утра нет. Позвонил, предупредил, что вызвали в лицевую хирургию, посмотреть на пострадавшего в автокатастрофе – множественные травмы и ранения, возможно, и с глазами что-нибудь. Велел на всякий случай готовить операционную. А пока – осмотр и рядовые перевязки. Не работа, а сон в летнюю ночь... Да, Плотников пре-

дупреждал, что уголовного надо посмотреть как следует. Ладно, посмотрим. Хотя чего там бояться? Если сам Плотников делал.

– Ася Пална, перевязочная готова.

В дверь заглянула Светка. Светлана Алексеевна, старшая медсестра. Умница, душа-человек, каменная стена, тоже фанатик. Умеет Плотников кадры находить. Светка сегодня вышла из отпуска. Все-таки очень удачно неделя начинается.

– Ася Пална, кофейку тяпнешь? – Светка переступила порог, прикрыла за собой дверь и пошла к столу, осторожно неся на ладони дымящуюся чашку.

– С ума сошла! Ты что это с руками делаешь? – Ася торопливо поднялась, шагнула ей навстречу и попыталась отобрать чашку. – Свет, да отдай же ты ее, обожжешься...

– Не хватай, горячо, – сказала Светка, поставила чашку на стол и полезла в карман халата. – Сама, чего доброго, обожжешься. Я ж не на голой руке, я на деревяшечке... На-ка еще печеньеца. Не особо торопись, пей спокойно, я пока еще две палаты проверю.

Светка выложила на стол начатую пачку печенья, сунула в карман деревянный кружок, на котором несла чашку, подмигнула хитрым коричневым глазом и ушла. Две палаты проверять. Фанатичка. Маньячка. Наверняка будет лазить во все углы с белоснежной марлевой салфеткой. Может быть, даже смоченной спиртом. Санитарки при таких проверках следили за ее действиями ревнивым взглядом. Санитарки в отделении тоже были фанатиками своего дела. Глазная хирургия – это вам не магазин какой-нибудь овощной. Здесь все должно быть стерильно. Ну и было. И стерильно было, и уютно, и спокойно... Хорошо было. Повезло ей с работой. Где-нибудь в другом месте, где не так стерильно, уютно и спокойно, она бы просто не выдержала со своим характером.

В дверь опять заглянула Светка:

– Попила? Ну, пойдем. Руки! Руки мыла?

Прелесть какая. Даже в детстве, даже от мамы, которая всю жизнь проработала хирургической сестрой, Ася слышала этот вопрос не так часто, как от Светки. Впрочем, Светка задавала его всем подряд, даже пациентам. Даже посетителям, которые приходили их навещать. Самому Плотникову тоже задавала. Маньячка.

Возле двери в перевязочную уже кучковались бабки в байковых халатах и в цветастеньких платочках. Увидев Асю, потихоньку загомонили, здороваясь. Заулыбались, радостно переглядываясь. Той, которая пока еще ничего не видела, объяснили громким шепотом:

– Сёдни Анастасия Павловна с нами.

Бабки Асю любили. Считалось, что у нее легкая рука, больно никогда не сделает, к тому же ее можно уговорить не делать страшный укол под глазное яблоко, хотя бы сегодня не делать, хотя бы разок отменить... Легенду насчет возможности отмены страшного укола выдумала одна из бабок, и все ей с восторгом поверили. До сих пор суровая действительность опровергала легенду, но бабки не теряли надежды и Асю любили.

В перевязочной уже вовсю трудилась Люда, мыла глаз шестилетнему Сереже, при этом что-то весело болтая. Сережа смеялся. Люда закапала в Сережин глаз серебро, ловко наклеила марлевую повязку и сняла ребенка с высокого кресла:

– Беги. Но очень медленно и осторожно.

Увидела вошедшую Асю, заулыбалась, гордо похвасталась:

– А я уже троих перевязала. Но только этих, которых смотреть не надо. Кому Игорь Николаевич велел только глаза промыть. Все вам меньше работы, да, Ася Пална?

– Зато тебе больше, да, Люда Иванна?

– Да мне это не работа, – сказала Люда. – Мне это в кайф. Сон в летнюю ночь.

Медсестры часто цитировали Асю. Сначала она думала, что передразнивают. Но Плотникова они тоже цитировали часто, и она перестала об этом думать. Тем более что все они тоже были фанатиками своего дела. Умеет, умеет Плотников кадры находить...

С бабками разобрались быстро. Все у бабок было хорошо, всё они терпели безропотно, радостно присматривались оперированными глазами к неясным пока силуэтам и цветовым пятнам: ой, а рука-то желтая! Ой, а халат-то зеленый! Это что ж такое – правда или только кажется? Ася бабок хвалила за то, что так быстро выздоравливают, так хорошо учатся видеть, объясняла: рука желтая – потому, что в желтой перчатке, халат зеленый – потому, что врачи уже редко носят белые халаты. Хотя на ней вовсе и не халат был, а балахонистые штаны и еще более балахонистая роба. И бахилы. Бахилы Светка заставляла надевать всех, даже посетителей. Особенно посетителей. Тут вам не какой-нибудь овощной магазин.

Потом пошли мужики, с ними несколько труднее было. Мужики оперированные глазами ни к чему особо не присматривались, но требовали конкретно ответить, сколько процентов зрения им ждать и в какие именно сроки. От одного Ася унюхала табачный дым, поэтому на его вопрос конкретно ответила, что у курящих проценты зрения зависят не от операции, пусть даже и очень успешной, а от количества выкуренных сигарет. Мужик тяжело задумался, наконец агрессивно спросил:

– Мне теперь что, курить бросать?!

– Разве я могу вам что-то запрещать? – грустно сказала Ася. – Каждый человек имеет свободу выбора. Или курить – или видеть... Это что кому интересней.

Мужик молча ушел. Раздраженный. Люда сказала:

– Курить пошел. Не поверил. Он никому не верит. Депутат областной думы... Все, больше никого нет. Сказать, чтобы зэка вели?

– Как – вели? – удивилась Ася. – Он что, сам не в состоянии ходить?

– А вот сейчас увидите... – Люда загадочно улыбнулась и вышла из перевязочной.

Ася минуту подождала, никого не дождалась, не выдержала и выглянула в коридор.

По коридору вели зэка. Н-да, это стоило увидеть. Кино – это же кино, мало ли чего киношники выдумать могут. Много чего они могут выдумать.

Но до такого маразма даже киношники не додумались бы.

Зэка вели пять человек. Четверо из них – с автоматами. На изготовку. Двое с автоматами на изготовку шли ближе к стенам, внимательно поглядывая по сторонам. По сторонам были только двери в палаты с одной стороны и двери в операционную и в ординаторскую – с другой. Да, еще дверь в туалет. Из этой двери кто-то собрался выйти, один из автоматчиков повел стволом, дверь захлопнулась. Из других дверей никто выходить не собирался. Наверное, всех предупредили.

За двумя автоматчиками точно по центру коридора шел зэк. Наверное, зэк. Потому что был не в камуфляже. И без автомата. И руки – за спиной. А так – больной и больной. Ярко выраженный тип «любитель активного отдыха». Черные спортивные штаны, слишком широкие и чуть коротковатые. Явно с чужого плеча... то есть бедра. А с плеча – это белая футболка. С чужого. Совершенно непонятно, как он в нее влез. Швы на глазах разъезжаются... Тьфу-тьфу-тьфу, чего это она о швах на глазах! На футболке швы разъезжаются, на футболке! Прямо на глазах. Зэк по сторонам не смотрел. Он никуда не смотрел. Ему смотреть было нечем – левый глаз был залеплен марлевым квадратом послеоперационной повязки, а правый заплыл пухлым фиолетовым фингалом. Вряд ли он этим фингалом что-нибудь видел, но шел свободно и уверенно. Точно по центру.

За зэком тоже точно по центру коридора шел коротышка необыкновенной ширины. То есть, может быть, не такой уж и коротышка, просто за зэком не видать было, какого он роста. А ширину – видать. С обеих сторон. Да еще он руки слегка растопыривал, как будто готовился кого-то ловить. Как вратарь.

За вратарем, отстав на пять шагов, шла Люда – несколько по синусоиде. Отклонялась от центра, чтобы выглянуть из-за квадратной фигуры вратаря: что там впереди, видит эту демон-

страцию кто-нибудь? Встретилась глазами с Асей, сделала выражение лица типа «а я что говорила».

За Людой шли еще два автоматчика в камуфляже, и эти ближе к стенам. Тоже бдительно поглядывая по сторонам, время от времени по очереди оглядываясь. С выражением лиц типа «враг не дремлет».

Так, и что весь этот маразм должен означать? Не может быть, чтобы всю эту армию согнали сторожить одного зэка. Или защищать одного зэка? Интересно, интересно... И похоже на правду. Вон как эти пятнистые головами вертят. Как будто ждут нападения с тыла. Чьего нападения? Наверное, сообщников этого больного. Зэка этого. Наверное, этот больной – то есть, конечно, зэк – очень крупный криминальный авторитет. Банкир... то есть кассир общественных денег... общих... да, общака. Кажется, это называется «казначей». И братки хотят освободить его, чтобы получить свою законную... то есть противозаконную долю. Преступную.

Или нет! Он – маньяк, вот он кто. Серийный убийца, пойманный на месте преступления с окровавленным ножом в руках. Родственники жертв устроили ему самосуд – то-то он так разукрашен, – и теперь менты вынуждены охранять преступника от рассвирепевших граждан, чтобы он хоть до суда дожил.

Ася присмотрелась к больному. То есть к зэку. Вот как такие люди становятся маньяками, а? Невозможно представить. Впрочем, как-то не очень представлялось, как такие люди становятся и криминальными авторитетами. Надо было выбирать психиатрию, тогда бы сейчас все понимала. Заодно и то, как люди становятся любителями активного отдыха. И даже профессионалами активного отдыха. Так, а при чем тут активный отдых? Ни при чем. Просто этот маньяк очень похож на любителя – и даже на профессионала! – активного отдыха. Настроение испортилось. Это от мысли о профессиональных любителях. Даже от мысли о профессиональных убийцах оно так не портится.

Да черт с ним, с этим зэком. Какая разница, кто он такой, если из-за него по ее родному отделению ходят толпы вооруженных людей, распугивая больных старушек и вконец растрепывая нервы лично ей! Это же надо было додуматься – припереться в отделение глазной хирургии с автоматами! Да еще и без бахил! Здесь что – овощной магазин?

Войско приблизилось, слегка перестроило порядки и молча замерло перед стоящей в дверях Асей. И она молчала, внимательно разглядывая каждого с ног до головы. Разглядела, загрустила, негромко позвала:

– Людмила Ивановна...

– Слушаю, Анастасия Павловна!

Люда вынырнула из-за квадратной спины вратаря, попробовала выйти вперед мимо зэка, но вратарь тут же вклинился между нею и зэком. Но вклинился вежливо: зэка слегка оттер, Люде как бы место освободил. Ну, все равно.

– Людмила Ивановна, – печально сказала Ася. – Вы посмотрите, что делается. Люди не обуты. Будьте добры, скажите Светлане Алексеевне, что нам нужны пять пар бахил. Через тридцать секунд.

– Есть! – гаркнула Люда, радостно вытаращив глаза, по всем правилам повернулась через левое плечо и шустро поскакала в дальний конец коридора, где был кабинетик старшей медсестры. Один из автоматчиков тут же повел за ней стволом. Ася посмотрела на свои наручные часы, потом на настенные часы, которые висели прямо напротив перевязочной, задумчиво кивнула, сложила губы бантиком и сделала выражение лица типа «за смертью вас посылать». Стояла, молчала, грустно поглядывала на тяжелые шнурованные башмаки пятнистых. Башмаки без конца переминались, топтались на месте, задевали друг друга и отодвигались в сторону... Это сколько же микробов они уже натрясли – и еще натрясут! – на идеально чистый, вымытый с антисептиком, проверенный Светкиной белоснежной салфеткой пол! Можно сказать – стерильный пол. Был.

В конце коридора из своего кабинета выскочила Светка с пакетом в руках, за ней – Люда. Уже второй автоматчик обернулся и повел стволом в их сторону. Светка и Люда бежали под дулами двух автоматов. Ася глянула на часы.

– Ну, у вас дисциплина... прямо как в армии, – неожиданно сказал квадратный вратарь.

Ася мельком глянула на него, сделала выражение лица типа «что бы ты понимал в дисциплине». Подбежали Светка и Люда. Светка – первая, растолкала пятнистых, встала перед Асей, тараща хитрые коричневые глаза, быстро заговорила со слезой в голосе:

– Анастасия Павловна, я этим только час назад бахилы выдала! Я им всем бахилы выдала, для каждой смены! Только больному не выдавала, у него ноги чистые! И тапки у него чистые... только я не знаю, чего это он сейчас босиком! А этим я всем выдавала, а куда они их девают, так пусть сами отвечают, откуда я знаю, может, с собой уносят, может, у них обувь дырявая, а дождик вон какой был, так они прямо в бахилах – по лужам, чтоб, значит, ноги не промочить!

– По каким лужам? – некстати влез с опровержением квадратный. – Они все в камере валяются, бахилы эти ваши...

– Заткнись, – посоветовала Светка и, не оглядываясь, пихнула его локтем. В живот попала. – Я потом с вами разберусь.

Квадратный удивленно икнул и заткнулся.

– Я сама потом со всеми разберусь, – грустно пообещала Ася. – Людмила Ивановна, идите на рабочее место. Светлана Алексеевна, проследите, чтобы все обулись. Пока мы тут будем заняты, в палате провести санобработку. У вас минут двенадцать – тринадцать.

– Уж я проведу! – угрожающим тоном сказала Светка. – Я их в автоклаве прокипячу! Я ихние ружья хлоркой вымою! Только вы не расстраивайтесь, Анастасия Павловна!

Ася вздохнула, пожала плечами, сделала выражение лица типа «это уж как получится», вошла в перевязочную вслед за Людой и тихо прикрыла дверь. Погрозила кулаком Люде, которая беззвучно хохотала, зажимая ладонями рот, и прислушалась к тому, что происходило за дверью. За дверью, судя по всему, происходил военный переворот.

– Обувайся как следует! – громко шипела Светка. – Чего ты одной рукой? Положи ружье, раз мешает делом заниматься! Давай поддержку, черт с тобой... Ой, ну уроды... Наташили грязи своими копытами... Смерти вы моей хотите? Меня же Ася Пална расстрелит за такое дело... В сортире замочит... Живьем сожжет... Но сначала я вас всех перестреляю! И потом не жалуйтесь, что не предупреждала!.. Ты чего делаешь, а? Ты чего это стерильными бахилами по грязи возишь? Это тебя мама учила стерильными бахилами по грязи возить? Подними копыто сейчас же! Здесь тебе не овощной магазин! Почему больной до сих пор не обут?! Кто из вас главный начальник? Ты главный? Слушай, главный, я тебя по дружбе предупреждаю: не надо Асю Палну расстраивать. Она у нас женщина слабая, склонная к меланхолии, из-за любого пустяка может расстроиться. А уж из-за такой кошмарной грязи-о-о-о... И все, последствия – непредсказуемы. Так что обувай больного быстренько – и на процедуры. У меня всего двенадцать минут... Я еще посмотрю, что вы там в палате насвинячили. Если курили – все, можете писать завешание. Больной! Не наклоняйте голову! Глаз после операции, а он голову наклоняет! Для того сам Плотников ночь не спал, чтобы тут всю его работу – псу под хвост?! Готовы? Так, готовы. Заходите, когда Ася Пална позовет. Выходите, когда я разрешу. Тут еще все мыть и мыть... У санитарок и так работы до хрена... Все, стойте, ждите, сейчас спрошу.

Дверь приоткрылась, Светка сунула в щель škодливую физиономию, подмигнула хитрым коричневым глазом, спросила жалобным голосом:

– Анастасия Павловна, можно уже их запускать?

– Их? – удивилась Ася. И подмигнула Светке. – Они что, все больные? Все равно – по одному и в порядке живой очереди.

Светка подмигнула другим хитрым коричневым глазом, испуганно сказала: «Есть!» – и исчезла, прикрыв дверь. За дверью опять громко зашипела:

– Куда толпой претесь? Ася Пална сказала: по одному! И все, и кончай базар! Спорить они тут будут! С Асей Паяной спорить... Совсем страх потеряли. Больной! Ваша очередь. Главный, ты куда? Тебе же русским языком сказано: но пасаран. Цурюк. Андэстэнд или вообще уже?

Что-то неразборчиво пробубнил квадратный.

– Ну, смотри, – зловещим голосом сказала Светка. – Мое дело – предупредить по дружбе. У вас свои правила, у нас свои правила. Если Ася Пална обидится – я за последствия не отвечаю. Так что сам с ней объясняйся, а я к ней больше соваться не буду, мне еще немножко пожить хочется.

Дверь опять открылась, теперь в щель всунул свою багровую физиономию квадратный:

– Можно?

– Входите, больной, – сказала Ася, не глядя на него и старательно натягивая перчатки. – Проходите, садитесь. Фамилия, имя, отчество, диагноз, дата операции... Ну, что же вы?

Она нетерпеливо поёрзала на стуле и пошевелила пальцами поднятых рук. Перчатки скрипели. Получилось довольно зловеще.

– Да нет, я только спросить хотел... Это не я больной, это он... Но по одному нельзя. То есть чтобы он один – это нельзя. У нас правила. Это ж заключенный, так что как же одному? Не положено.

– Почему? – Ася посмотрела на квадратного с интересом.

Квадратный глубоко задумался. Неужели ответит? Ага, все-таки ответил:

– Так ведь охрана... Всякое бывает... В смысле опасности.

– Да-да-да, понимаю, понимаю, – с сочувствием сказала Ася. – И со стороны кого вы ждете опасности здесь? Может быть, со стороны Людмилы Ивановны?

Квадратный смотрел через ее голову на Люду. Люда отрицательно качала головой – Ася видела отражение в темном стекле шкафчика прямо напротив себя. Квадратный принял подсказку, тоже отрицательно помотал головой.

– А! – догадалась Ася. – Вы ожидаете опасности с моей стороны!

Люда за ее спиной покивала утвердительно. Квадратный, глядя на нее, тоже утвердительно кивнул. Наверняка в школе был двоечником. Привык только на подсказках выезжать. Совсем мозги не включает.

– Да нет, – все-таки включил мозги квадратный. – Наоборот! С его стороны опасность! Преступник же. Так что опасность с его стороны. В вашу сторону... То есть вам. То есть для вас.

– Боже мой! – огорчилась Ася и чуть не взялась стерильными перчатками за голову. Спихнулась, просто подняла руки еще выше и опять пошевелила пальцами. – Какая нервная работа! Я сейчас расстроюсь.

– Нет! – в ужасе крикнула Люда за ее спиной и показала квадратному кулак. Или кукиш? По отражению в стеклянном шкафу было не очень понятно. – Анастасия Павловна, только не это! Я вас умоляю, не расстраивайтесь сегодня, пожалуйста! У меня и так не день, а кошмар какой-то! Если еще и вы расстроитесь – я просто не выдержу! У меня просто сердце разорвется!.. Ты чего стоишь, а? Ты чего тут качаешься, как тонкая рябина? А ну, давай больного быстро сюда! Пока Анастасия Павловна совсем не расстроилась!

Квадратный ошалело выпучил глаза, просипел: «Слушаюсь!» – и исчез, хлопнув дверью. Двоечник. И тут же заговорил в коридоре громким командирским голосом, слегка в нос, смазывая гласные и делая ударение на каждом слове. Как двоечник, который сбежал из школы и теперь выступает перед мелкой дворовой шпаной в привычной среде обитания. Опять сунул багровую физиономию в дверь, вполне нормальным голосом спросил:

– Мы только вдвоем войдем, это можно? Только я и еще только один охранник.

– Кто из вас больной? – заинтересовалась Ася.

Отражение Люды в стекле шкафа крутило пальцем у виска. Очень уместно. Квадратный подсказку опять понял, простодушно обиделся:

– Мы все здоровые. Это больной – больной. Так мы вместе с ним. Потому что больной – заключенный. Порядок такой.

– Ну и порядки у вас... Сумасшедший дом. Давайте сюда вашего больного! Долго я еще ждать буду? Рабочий день скоро кончится! И к тому же – больного человека часами держат в коридоре! На ногах! На сквозняках! Чтобы вся работа самого Плотникова псу под хвост!.. Вы что это, нарочно?

– Никак нет! – отрапортовал квадратный. – Разрешите войти?

– Войдите, – милостиво разрешила Ася.

За спиной сдавленно хихикнула Люда. Ася предупреждающе кашлянула. Хватит, повеселились уже. Работать пора.

Больного в перевязочную вводили нелепо. Почти так же нелепо, как вели по коридору. Сначала вошел автоматчик, обвел помещение взглядом – и стволом тоже, – отошел к окну, повернулся к двери и громко сказал:

– Готов!

Вошел больной. Зэк этот. Сделал несколько шагов, остановился, сделал еще один неуверенный шаг, опять остановился... Странно повел головой – не то прислушивался, не то принюхивался.

– Проходите, садитесь в это кресло, – негромко сказала Ася, внимательно наблюдая за ним.

Он обернулся к ней. На ее голос, поняла она. Он же ничего не видит.

– Иди, иди, кому сказали! – прикрикнул квадратный от двери командирским голосом.

Зэк сделал еще один шаг. Совсем не в сторону кресла. Ася протянула левую руку Люде, тихо попросила:

– Сними.

Люда быстро глянула, с сомнением подняла брови, но перчатку с Асиной руки тут же сняла. Сидела молча, держала перчатку наготове. Ася поднялась, вышла из-за стола с инструментами, шагнула к больному и взяла его за локоть рукой без перчатки. Локоть слегка дернулся и напрягся.

Автоматчик шагнул от окна и перехватил ствол поудобнее.

– Отойдите от него, – сдавленно просипел за спиной квадратный. – Это... опасно.

Ася оглянулась. Квадратный был уже почти рядом, стоял на полусогнутых, руки слегка развел в стороны, будто собирался кого-то ловить. Физиономия побледнела слегка. Волнуется сильно.

– Не волнуйтесь, я не причиню вашему... подопечному никакого вреда, – успокоила она квадратного. Локоть больного под ее ладонью опять дернулся. Ася потянула за этот локоть и тем же тоном сказала уже больному: – Идите за мной. Слушайтесь моей руки. Не беспокойтесь, все будет хорошо.

Больной неожиданно хмыкнул и послушно пошел за ней. Квадратный шел следом. Автоматчик следил за ними глазами и стволом. Ася подвела больного к креслу вплотную, развернула спиной – и только тогда заметила наручники. Вот почему он все время руки за спиной держал. А она думала – по зэковской привычке... Она оглянулась на квадратного, кивнула на наручники, нетерпеливо сказала:

– Снимите. Поторопитесь. Время тянем, а скоро завтрак. Больному нельзя нарушать режим. Снимайте скорее.

– Как это? – искренне не понял квадратный.

– Вы не умеете снимать наручники? – удивилась Ася. – Давайте ключ, я сама сниму.

– Так не положено! – с тихим отчаянием сказал квадратный.

– А как я работать буду? – поинтересовалась Ася. – Мне надо, чтобы больной лежал в кресле вот так, видите? И чтобы руки – на подлокотниках! И чтобы мог свободно сесть, когда я попрошу! И снова лечь, не стучаясь головой о подголовник! Как вы полагаете, со скованными за спиной руками это возможно? Быстро снимайте наручники, не мешайте мне работать.

– Не мешайте доктору работать! – подала голос Люда.

У нее это получилось, как подсказка двоечнику. Квадратный по привычке подсказку принял, мрачно потащил из кармана связку ключей, но все-таки упрямо буркнул:

– Тогда я его к перилам пристегну... к этим... к подлокотникам.

– Это – пожалуйста, – разрешила Ася. – Но только одну руку. Другая его рука мне может понадобиться свободной.

Она смотрела, как снимают наручники, и раздражалась все больше. Маразм. Автоматчик стоял, упираясь стволем в спину больного. Квадратный расстегнул один браслет – и тут же защелкнул его на подлокотнике кресла, сильно дернув больного за руку. Больного перевернуло на правый бок, теперь он стоял, все еще заложив свободную левую руку за спину и неловко вытянув правую, притянутую к подлокотнику короткой цепью.

– Кресло прямо за вами, – сказала Ася. – Не беспокойтесь, оно не откатится, садитесь спокойно.

– Он уже сидит, – ни с того ни с сего вступил в беседу автоматчик.

Ася грустно глянула на него. Автоматчик заметно смутился, беседовать раздумал, пятясь, отошел опять к окну.

– Располагайтесь поудобнее, – говорила Ася, устраиваясь на своем стуле и протягивая руку Люде. – Вы должны чувствовать себя в кресле совершенно свободно и спокойно. Как будто прилегли отдохнуть. Отдохните, пока мне надевают перчатки и готовят перевязочный материал. Боли никакой не будет. Просто промоем глаз и посмотрим швы. И вы посмотрите этим глазом и расскажете, как видите. Хотя на третий день после такой операции глаз еще видит не так, как прежде. Не бойтесь, это в порядке вещей... Вообще ничего не бойтесь.

Теперь в беседу решил вступить квадратный.

– Да он вообще-то ничего и не боится, – хмуро буркнул он.

Больной хмыкнул и осторожно опустился в кресло, на ощупь находя сиденье и подлокотники, закинул свободную руку за голову, нашел подголовник, устроил на нем затылок, немножко пошевелился и застыл в позе безмятежного покоя. Даже, кажется, улыбнулся.

– Да, вот так, – одобрительно сказала Ася. – Сейчас я сниму повязку, и мы немножко промоем глаз. Люда, готова?

– Так точно! – отрапортовала Люда, неодобрительно поглядывая на квадратного, потому что тот стоял прямо за спинкой кресла. Мог помешать.

Ася знала, что квадратный не помешает. Как только она снимет повязку – квадратный тут же шарахнется в сторону. Или зажмурится. Не подготовленные к такому зрелищу всегда так поступали.

Она сняла повязку и неловко сама поморщилась. А ведь она была подготовлена. Квадратный, правда, тоже болезненно поморщился, но в сторону не шарахнулся и даже не зажмурился. Смотрел внимательно – то на глаз, то на Асю. Хотел что-то сказать, даже уже рот открыл, но Люда нахмурилась, погрозила пальцем, и он рот тут же закрыл. Дисциплинированный двоечник.

– Хорошо, – довольным голосом говорила Ася, осторожно промывая веки физраствором. – Очень хорошо, общая картина мне нравится...

Заметила недоверчивый взгляд квадратного, снисходительно улыбнулась. Что бы он понимал в общей картине! Несмотря на крайнюю неэстетичность, общая картина ей действительно нравилась. Еще бы – операцию-то делал сам Плотников. Так что общая картина, при всей своей неэстетичности, была прекрасна. Ни воспаления, ни особых отеков, швы – вообще

ювелирная работа... Швов было много. Два – на верхнем веке, два – на нижнем, ниже под глазом – еще один, у внешнего угла, ближе к виску, – еще один, над бровью – еще один... Скорей всего, шрам над бровью останется. Остальные даже заметны не будут. Ай да Плотников! А он ведь не пластический хирург! Да что говорить, любой пластический хирург от зависти сохнет.

– Глаз не открывайте, – предупредила Ася. – И не зажмуривайте тоже... Сейчас я немножко оттяну веко и закапаю лекарство. Лекарство вы не почувствуете, разве только холод... А веко может побеспокоить, там швы... Но ничего опасного. Потерпите, я постараюсь осторожно.

Она действительно старалась работать очень осторожно. Операцию делал сам Плотников, не хватало только испортить что-нибудь по неосторожности. Не то чтобы она боялась хоть какой-то вред причинить... Нет, никакого вреда она причинить не могла. По определению. Она ведь тоже была из тех кадров, которых находил сам Плотников. Просто ей казалось, что даже мелкий пустяк, диссонирующий с немыслимым совершенством операций самого Плотникова, – да хоть бы не совсем ровно наклеенная повязка, – это примерно как усы, пририсованные углем Сикстинской Мадонне. Легко смыть, шедевр не пострадал, но ведь... кощунство. Кощунства Ася не терпела ни в каком проявлении.

– Красиво, – с восхищением сказала она, увидев, наконец, глазное яблоко. – Люда, посмотри, как красиво... Господи, какой же Плотников гений! Просто даже не верится иногда.

Люда подошла, заглянула под расчерченное швами веко, пробормотала: «Ого!» – и уставилась на Асю с выражением лица типа «невероятно, но факт». Ася сделала выражение лица типа «а я этого ожидала». Квадратный смотрел на них поочередно с выражением лица типа «зачем мне тут голову морочат»...

– А вот теперь открывайте глаз! – Ася говорила торжественно и почти ликуя. – И рассказывайте мне, что вы при этом чувствуете! И если что-то увидите – тоже рассказывайте!

Изрезанные веки дрогнули, с видимым трудом разлепились, в узкой щелочке между ними дрогнул и поплыл по красному фону черный зрачок. Зрачок остановился, уставился на Асю и слегка расширился. Видел!

– Говорите! – потребовала она жадно. – Вы же видите, я знаю! Что? Говорите, ну...

– Веснушки, – хрипловатым голосом сказал больной и усмехнулся. – Командир, у тебя весь нос в веснушках.

– Этого не может быть! – закричала Ася. Теперь она не изображала ликование, а на самом деле ликовала. Проникающее ранение! Третий день после операции! Плотников – не гений. Плотников – бог. – Больной, вам кто-то рассказал про мой нос... Про мои веснушки! Больной, вы не можете их видеть! Я их утром запудрила!

– Запудрила! – передразнил больной и опять усмехнулся. – Ну и кто из нас больной после этого?

Квадратный насутился и открыл рот, собираясь что-то сказать, но по привычке глянул на Люду и рот закрыл.

– А еще что видите? – Ася растопырила перед лицом больного пятерню. – Руку видите? Сколько пальцев?

– Сколько и у всех. Только у тебя они какие-то мелкие, – насмешливо ответил больной и зашевелился в кресле, пытаясь подняться. – Ну что, все уже? Эй, начальник, отцепляй от мебели, меня уже вылечили.

– Больной, вы больной, что ли? – возмутилась Ася. – После таких операций люди сидят на бюллетене до четырех месяцев! Вылечили его! То, что вы видите, означает то, что Плотников опять сотворил чудо. И совсем не означает того, что вы можете прямо сразу встать и идти заниматься своими делами. Вам вообще долго еще придется быть осторожным. Никакого физического напряжения. Никаких резких движений. Никаких ядов. Никаких, даже самых

мелких, травм. Никаких простуд и гриппов... И вообще, перевязка не закончена. Сейчас я еще закапаю лекарство, а потом заклею глаз новой повязкой.

– Блин, – хмуро буркнул больной, опять укладывая затылок на подголовник. – Снова слепнуть... Надоело уже.

– Типун вам на язык! – с чувством сказала Ася. – Слепнуть! Это же надо такое сказать... Я прямо чуть не расстроилась. К тому же у вас правый глаз вполне зрячий. Сейчас я посмотрю, что можно с гематомой сделать.

Она заклеила оперированный глаз, полюбовалась безупречной повязкой и обогнула кресло, заходя со стороны фингала.

Фингал был выдающимся. Во всех смыслах. Багрово-фиолетовый мешок над глазом свисал на багрово-фиолетовый мешок под глазом. Это как же надо было приложиться, чтобы достичь такого результата? Если только прыгнуть с самолета без парашюта. Вниз глазами. Прямо на заводскую трубу... Странно, что Плотников проигнорировал этот фингал. Фингал – ерунда, фингал – не глаз, но под таким фингалом неизвестно, как там и глаз поживает... А нет, неплохо глаз поживает. Просто даже хорошо. Заводская труба промахнулась. Сейчас мы этот живучий глаз попробуем открыть. Или самого Плотникова подождать? Все-таки должна быть причина, по которой Плотников проигнорировал эту выдающуюся гематому...

Ася осторожно ощупала багрово-фиолетовые мешки, окружающие глаз, и поняла, что Плотников не мог их проигнорировать. Их просто не было, когда он делал операцию. Фингал появился позже. Вероятнее всего – вчера. Та-а-ак. И по какой такой причине он появился? И какая такая сволочь посмела поднять руку на идеальные результаты идеальной работы самого Плотникова?! Ведь после такой операции даже резких движений делать нельзя! Ладно, потом она сама с ними со всеми разберется.

– Люда, кювету, тампоны и пару салфеток...

Люда поняла, кроме требуемого, подала еще и скальпель. Вопросительно подняла брови, Ася отрицательно качнула головой.

– Больной, – деловито сказала она. – У вас, кажется, одна рука свободна? Ага, хорошо. Держите эту штуку сами. Прижмите к щеке. Вот так. Постарайтесь не шевелиться, а то мне и так не очень удобно с этой стороны работать... Голову слегка опустите. Вот теперь правильно...

Она негромко говорила какие-то необязательные слова, а сама быстро протерла фингал спиртом и сделала два мелких надреза. Кровь хлынула в кювету, как из крана. Точно, фингал появился не ранее чем вчера. Нет, она не потом с ними со всеми разберется. Она прямо сейчас с ними со всеми разберется. А потом доложит самому Плотникову.

– Люда, умой, пожалуйста, больного, – попросила Ася почти жалобно. – Царапины зеленой смажь. Мне надо срочно поговорить с этим квад... с этим вот господином. Вы ведь у них самый главный? Ну вот, значит, с вами мне и надо поговорить. В сторонке.

– Анастасия Павловна, вы, случайно, не расстроились? – тревожно спросила Люда.

– Не случайно, Людмила Ивановна, – грустно ответила Ася. – Боюсь, что совсем не случайно...

– Да она просто крови боится, – вдруг насмешливо заметил больной.

– Конечно, – серьезно согласилась Люда, смачивая салфетку перекисью водорода. – Кто ж крови не боится? Если бы ты видел столько крови, сколько Анастасия Павловна, ты бы тоже боялся.

Больной ничего не ответил. А может быть, что-нибудь и ответил, но Ася уже ничего не слышала. Она волокла квадратного в дальний угол, где стояли стол, два стула и сложенная гармошкой ширма, которую можно было развернуть за две секунды. Квадратный ничего не понимал, тормозил, все время тревожно оглядывался и приговаривал, что оставлять объект не положено. Ася и его не слушала. Ой, как она со всеми сейчас разберется...

– С чем разбираться-то? – с недоумением спросил квадратный, прислоняясь спиной к стене, тревожно глядя через голову Аси в сторону кресла и хмурясь.

Наверное, она про разборки вслух подумала.

– Гематомы вокруг правого глаза больного до вчерашнего дня не было, – очень тихо и раздельно сказала она, внимательно глядя в лицо квадратного.

Тот оторвался от созерцания кресла и уставился на нее. Тоже очень внимательно. И тоже очень тихо и раздельно спросил:

– Доктор, вы можете сказать, когда ему... ну, когда это появилось?

– А вы?

– Я не могу. Я дежурю только с двенадцати ночи. С двадцати четырех ноль-ноль.

– А остальная армия? – Ася кивнула в сторону автоматчика у окна.

– Мы вместе заступили...

– Доктор, да это не они, – сказал больной из кресла. – Это я так, зацепился за что-то спросонья – вот и приложился... Ерунда, пройдет. Да глаз уже и открылся. Все вижу, без проблем. Иди сама глянь.

– Сейчас, – громко ответила она, не оглядываясь, а квадратному тихо сообщила: – Я очень расстроилась. Под трибунал пойдете.

– Да это точно не мы! – Квадратный опять засипел. Испугался, мент поганый. Трибунала боится. Еще не понял, кого ему на самом деле бояться надо.

Она резко отвернулась и пошла к креслу. Больной уже не лежал в нем, а сидел прямо, свободной рукой трогал синяк вокруг глаза. Глаз действительно открылся. Не слишком широко, опухшие веки еще тянулись друг к другу, но из щелочки весело выглядывал живой и здоровый зеленый глаз, с любопытством оглядывал окружающее пространство. Увидел Асю, от окружающего пространства отвлекся.

– Я ж говорил – веснушки, – насмешливо сказал больной.

– А у вас, оказывается, глаза зеленые, – удивилась она.

– Ну да, – тоже удивился он. – Ты же левый уже видела. Он тоже зеленый.

– Разве? – Ася на всякий случай еще раз осторожно ощупала синяк вокруг зеленого глаза. – Я как-то не заметила. Я на работу Плотникова смотрела. Знаете, больной, вам правда повезло. Сказочно повезло, поверьте моему слову. Но я вас по дружбе предупреждаю: боже вас упаси сделать что-нибудь такое, что испортит работу Плотникова... Ладно, идите, завтрак через пять минут. Режим нарушать не следует.

Квадратный быстро снял браслет с подлокотника и неожиданно защелкнул его у себя на руке.

– Что, уже не боишься, что махаться буду? – с интересом спросил больной.

– Тебе нельзя, – серьезно ответил квадратный. – Слышал, что Анастасия Павловна сказала? Никаких резких движений. А то испортишь работу самого Плотникова. И тогда что?

– Ослепну, – хладнокровно подытожил больной.

– Ослепнешь, Сережа, ослепнешь, – согласился квадратный не без печали. – Но это бы еще ладно, дело хозяйское... А вот что Анастасия Павловна расстроится – это уже событие, чреватое непредсказуемыми последствиями.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – испуганно сказала Люда и быстро перекрестилась несколько раз. – Господи, спаси нас и помилуй...

Больной и квадратный переглянулись, одинаково качнули головами и пошли к двери. У обоих выражение лица было типа «нам не страшен серый волк». За ними шел автоматчик. С выражением лица типа «надо было на сантехника учиться».

Ася смотрела им вслед и раздраженно думала, что все эти военные игры недоступны пониманию не только посторонних наблюдателей, но и, скорее всего, самих участников. И правила, которые ни с того ни с сего меняются во время игры... Маразм. Сюда его, слепого и в

наручниках, вели, как будто верили, что он может сбежать в любой момент. Предварительно поубивав пятерых вооруженных мужиков голыми руками. Скованными за спиной. А отсюда пошли чуть ли не под ручку. И квадратный больного называл Сережей. К вечеру вообще побратаются, обменяются телефонами любимых девушек, и квадратный по дружбе сообщит Сереже свое имя. Может быть, даже настоящее... Хотя вряд ли он еще помнит свое настоящее имя. Эти типы и под оперативными псевдонимами вполне хорошо себя чувствуют... Только под конец чуть из образа не вышел. И даже вышел на минутку. Совсем другим языком заговорил, мент поганый. То есть не мент. Это роли не играет. Все равно она с ними разберется. И найдет того, кто чуть не угробил работу самого Плотникова.

– Плечи у него какие, а? – мечтательно сказала Люда. – Ой, какие у него пле-е-ечи... Я таких даже в кино не видела. Вы заметили, Ася Пална? Плечи – ровно по ширине двери!

– Мне показалось – еще шире, – рассеянно ответила Ася. – Не человек, а квадрат ходячий...

Люда удивилась, задумалась, потом поняла:

– А! Вы про майора! Ну да, у того плечи вообще... А я про этого больного. Про эка этого. Такой мальчик – обалдеть... И майор – никакой не квадрат ходячий! Чего это вы? У майора тоже классная фигура. Только что мент... Да еще татарин. Да и вообще старый уже, ему точно больше тридцати... И вот почему всегда так? Если элитный экземпляр, так обязательно или мент, или бандит.

– Или любитель активного отдыха, – грустно сказала Ася. – Культурист, турист и мастер спорта.

– Да это еще ничего, – возразила Люда. – Такого еще можно сориентировать на созидательную деятельность. Активно отдохнет – а потом и в хозяйстве пригодится. И спортсмен – это хорошо. Мужчина должен быть сильным и здоровым. Чтобы за ним – как за каменной стеной. Чтобы мог тебя на руках носить. В буквальном смысле. Чтобы женщина могла себя хоть раз в жизни почувствовать слабой. Да и в быту тоже... Сильный мужик много чего в доме сделать может! Правильно я говорю? Согласитесь, Ася Пална!

Ася не могла с Людой согласиться. Но и не спорила. Люде было двадцать лет. Семь лет назад Асе тоже было двадцать лет, и она была такая же наивная, как Люда. Также очень хотела хоть раз в жизни почувствовать себя слабой.

А ведь не дурак сказал: «Не мечтайте о несбыточном. Вдруг ваша мечта исполнится?»

Ну и почувствовала.

Глава 2

Светка была на три года старше, на сто лет мудрее, на пятнадцать килограммов красивее, на полторы ставки самостоятельнее, на двух бывших женихов и одного нынешнего мужа опытнее... Да что там говорить, Светку надо было слушать.

Ася не слушала. То есть слушала, но не верила.

– На кой тебе этот красавец? – говорила Светка, сердито тараща хитрые коричневые глаза. – На нем же бабы гроздьями виснут! Из таких нормальные мужья не получаются. Поверь мне, дура старой.

Ася не верила. Роман и вправду был красивым, но разве он это нарочно? Кажется, он даже не замечал своей красоты, не придавал ей значения. Действительно, бабы висли на нем гроздьями. Но она-то не висла. А он выбрал именно ее, и не для чего-нибудь, а для того, чтобы жениться. И муж из него получится, раз уж он сам решил стать мужем.

– Он же игрун! – говорила Светка, брезгливо кривя пухлые губы. – Он же не живет, а в игрушки играет! Ведь ничего не умеет! Ни-че-го! Всю жизнь на маминой шее просидел, теперь на твою сядет. Последние силы он из тебя вытянет! Поверь мне, дура старой.

Ася не верила. Почему это Роман – игрун? Просто он живет легко, то есть – наслаждается жизнью. Уж по крайней мере, это лучше, чем если бы он был нытиком и мизантропом. И умеет он много. Он умеет играть на пианино и на гитаре, разжигать костер с одной спички, ходить на байдарках по каким-то опасным рекам, ставить палатку в любой ветер, варить уху на костре... Он умеет столько, что на десятерых хватит. И на маминой шее он не сидит. Его мама обыкновенная пенсионерка, а он – инструктор по плаванию. К нему в очереди стоят, он нормально зарабатывает. И еще во время последнего похода документальный фильм снял, по телевизору показывали, гонорар заплатили. И еще предлагают в рекламном ролике сняться – тоже деньги... А она – просто студентка, ей еще два года учиться, стипендия доброго слова не стоит. Случайные заработки курсовыми и контрольными доброго слова стоят, но ведь они случайные и есть... В этом смысле ее шея никому не может казаться привлекательной. А что касается последних сил – так их и вовсе кот наплакал. Если честно, никаких сил у нее уже не осталось, так что и вытягивать нечего.

– Посмотри на себя! – говорила Светка, жалостливо качая встрепанной головой. – Ты же цыпленок недорощенный! В чем только душа держится?! И вкалываешь всю жизнь как лошадь! А посмотри на него! Это же не человек, статуя каменный! Кинг-Конг железобетонный! Целый день дурака валяет, а вечером в бассейне в свисток свистит. Это работа? Так и то все время переутомляется. Раз в неделю хоть день, да гуляет без содержания. Мне соседка говорила, она из-за него в бассейн записалась, а он – без содержания, то и дело занятия отменяет. Она очень обижается. Работничек! По походам таскается – это он не переутомляется! На тренажерах часами потеть – это он не переутомляется! А картошку с базара мать таскает. И тебя заставит таскать, вот увидишь. Не пара он тебе, Аська. Поверь мне, дура старой.

Ася не верила. И вовсе не всю жизнь она вкалывала как лошадь. До пятнадцати лет вообще бездельничала. Так, если только пустяки какие-нибудь – постирать, помыть, в магазин сбегать, картошку почистить... Наверное, как все. Вообще-то она уже не очень хорошо помнила, как жила до пятнадцати лет. Школа, две-три необязательные подружки, три-четыре необязательных кружка – вроде драматического или вовсе уж кройки и шитья, – а в остальное время – книги. Чтение, чтение, чтение... Мама была недовольна: ребенок совершенно не бывает на свежем воздухе. Бабушка хвалила: Аська у нас будет у-у-умная! Она любила разговаривать с бабушкой. Бабушка даже о самом сложном говорила как-то так, что становилось сразу все понятно. И еще весело. Вот как бабушка говорила. А потом у бабушки случился инсульт, и правую сторону у нее парализовало. Она лежала совсем беспомощная, говорила с трудом. Ее

нельзя было оставлять одну. Сначала все дежурили возле нее по очереди. А потом отец ушел из дома, он не мог больше тратить жизнь так бездарно. С бабушкой остались Ася и мама, но у мамы была работа. Хирургическая сестра – это очень трудно, да еще и ночные дежурства. А у Аси была только школа – ерунда, говорить не о чем. В школу она иногда забегала. Обязательную контрольную написать, домашние работы сдать, быстренько на вопросы ответить... А необязательные подружки и необязательные кружки отпали сами собой. Времени совсем не было. Все ее время было – для бабушки. И в доме очень много дел оказалось. Хорошо хоть, что отец ушел – все меньше стирать и готовить. Правда, денег тоже меньше. Деньги приходилось зарабатывать маме, она еще полставки взяла, еще реже дома бывать стала... Через полгода у бабушки случился второй инсульт, и она умерла. А мама заболела. Сначала что-то с щитовидкой было, долго не могли понять, что там такое, потом долго лечили, потом решили, что это не щитовидка, потом сказали, что болезней – целая коллекция... Дали третью группу инвалидности. В больнице мама работать уже не могла. Вообще-то нигде не могла, но все-таки устроилась в домоуправление, бумажки какие-то регистрировать. И Асе пришлось работать, а то совсем никак было. Работала во время каникул в соседнем детском саду нянечкой. Школу закончила как-то незаметно. Но с серебряной медалью. Пришел отец, просился назад. Мама посоветовалась с Асей, и обе решили: ну его. Он больную мать бросил. Бабушка ведь его матерью была. Она о нем все время спрашивала, до последнего дня. Он ей нужен был. А сейчас пришел. Зачем? Им он был не нужен.

В мединститут Ася пошла потому, что маму хотела сама лечить. Медицина-то у нас бесплатная, но ведь какие деньги улетали... Да какие были – такие и улетали. Хорошо еще, что ей удавалось подработать санитаркой в областной больнице. Работала по ночам, днем учиться надо было. И с чего Светка решила, что она вкалывала как лошадь. Ничего не как лошадь. Ночные дежурства были хорошие: вымоешь все отделение, а потом даже поспать удавалось пару часиков. Дежурные врачи и медсестры относились к ней хорошо, разрешали поспать в сестринской на кушетке, а иногда даже в ординаторской, где был большой мягкий диван. А если и диван, и кушетка были заняты дежурной сменой, Ася могла немножко поспать и сидя – в холле стояли кресла, тоже очень мягкие. Нормальная работа. И курсовые с контрольными – нормальная работа. Велосипед изобретать не надо, оригинальность взгляда и глубина мысли не приветствовались. А без оригинальности и глубины – что там писать? Все давным-давно переписано. Не работа, а сон в летнюю ночь. За этот сон еще и платили неплохо... Домашняя работа была вполне привычной и не такой уж тяжелой – много ли им с мамой надо было? Ася вообще не понимала женщин, которые жаловались, что выматываются на домашнем хозяйстве. Ну вот не понимала – и все. В домашнем хозяйстве этих женщин не было ни коров, ни свиней, ни кур, ни огорода... Чаще всего даже котенка какого-нибудь не было. Или комнатного цветка, что ли... Ну и на какую тему тут выматываться? Сварить кастрюлю супу на два дня – это что, подвиг невиданной красоты и силы? Постирать раз в неделю все, что накопилось, – за это что, медаль на грудь? Забежать по пути домой в магазин за хлебом, кефиром, мылом и спичками – и ожидать прижизненного памятника? Бронзового... Все это ерунда. Дело привычки. Вот только на чтение времени оставалось совсем мало. Но когда к ним переехала тетя Марта, мамина сестра, тогда даже на чтение время появилось. Тетя Марта была здоровая, деятельная, веселая и решительная. Решила, что сын с невесткой и без нее как-нибудь обойдутся, а сестре одной дочку растить трудно – и приехала помогать. Очень удивилась, что дочка сестры уже выросла, уже сама кому хочешь поможет, – но не уехала. С тетей Мартой намного легче стало. Только шумно очень. Маме-то ничего, маме даже нравилось, что в доме «живой голос». Ася терпела, раз маме нравилось. Думала – ничего, и сама привыкнет постепенно.

Может быть, и привыкла бы, но тут Роман вдруг замуж позвал. Совсем вдруг, она его впервые увидела неделю назад в травматологическом отделении, где их курс практику проходил. Его с подозрением на перелом руки привезли, но оказалось, что никакого перелома

нет, просто ушиб. В турпоходе как-то получилось. Роман был любителем активного отдыха, занимался, кажется, всеми видами спорта, но особенно любил турпоходы. Даже свадьбу решил сыграть в турпоходе. Ася была не против. А что, даже оригинально. И экономия какая: ни платья покупать не надо, ни свадебный стол готовить. Гости – друзья Романа, такие же любители активного отдыха, – сами себе варили уху в котелке над костром, жарили куски колбасы на прутиках и запивали все это чаем из мятых алюминиевых кружек. Асе свадьба не сказать чтобы уж очень понравилась... Зато пьяных не было. Любители активного отдыха были все до одного трезвенниками. Здоровый образ жизни. Чего ж плохого?

Правда, мамы и тети Марты на ее свадьбе не было. С мамой и тетей Мартой они отметили это событие потом, вернувшись из похода. «Из свадебного путешествия», – говорил Роман. Тетя Марта бесцеремонно говорила: «Ну уж! В свадебное путешествие люди на курорт едут! Аська совсем замоталась, ей бы отдохнуть как следует!» Роман говорил:

«Да спортом ей надо заняться! Ведь совсем слабая! Весло удержать не может – это дело? Ну, ничего, мы ее заставим шевелиться. Она у нас окрепнет, вы не сомневайтесь. Походит с нами по лесам по горам, потаскает рюкзак с запасом на пару дней – и окрепнет, одуванчик мой маленький».

Ася сходила с Романом еще в один турпоход, в выходные через неделю после свадьбы. Те же друзья, тот же костер, та же уха в котелке над костром, та же колбаса на тех же прутиках, тот же чай в тех же мятых алюминиевых кружках... И та же грязь. В ухе, в чае, в спальнях мешках, в волосах – с деревьев что-то сыпалось, с потолка палатки шлепались тяжелые мутные капли... Все то же самое. Кроме ее рюкзака. Ее собственного рюкзака, нового – свадебный подарок кого-то из друзей Романа. Свой собственный рюкзак она должна была нести сама. Лямки рюкзака страшно натерли плечи. Синяки были, как от удара. Недели две держались. Больше в походы она не ходила. Роман очень обижался. Она объяснила, что ей все это очень нравится, только ведь времени совсем нет.

Времени действительно опять совсем не было. Жили они отдельно от родителей, в квартире какого-то знакомого Романа. Знакомый уехал на два года, а квартиру Роману сдал. Квартира была полупустая и очень запущенная, грязная. Асе долго пришлось приводить ее в порядок. Вдвоем быстрее бы получилось, но Роману такими пустяками заниматься было некогда. Он спортом занимался. Да еще и в бассейне работал. И в турпоходы ходил каждые выходные. Турпоходы – это святое! А она только училась, только писала контрольные и курсовые двоичникам, только занималась домашним хозяйством. И со стыдом вспоминала о том, что не понимала женщин, которые жаловались на усталость от занятий домашним хозяйством. Теперь поняла. Готовить приходилось много. Роман тратил много энергии, так что и калорий ему много надо было. И часто – чтобы всегда все свежее. Здоровый образ жизни. И разнообразно – Роман объяснил, что он гурман, а не банальный обжора. Ну, она и готовила. Она умела готовить, а он не умел. Да если бы и умел – когда ему? Некогда. И за продуктами ходить некогда было. И так уставал как собака: тренажеры, бассейн, турпоходы... Возвращался из турпохода усталый как собака, бросал грязный рюкзак на только что вымытый ею пол, растягивался прямо в чем пришел на диване, на только что выстиранном ею покрывале, и томно мурлыкал: «Одуванчик мой маленький, как я соску-у-учился... Все-таки как дома хорошо-о-о... А что у нас есть вкусенького? Что ты нынче приготовила для своего любимого му-у-ужа?.. Знаешь, солнышко, тебе все-таки надо всерьез заняться своим здоровьем. Совсем бледненькая. Зря ты так несерьезно относишься к активному отдыху». И, уминая за ужином все, что она наготовила, с азартом рассказывал, как они с ребятами активно отдохнули в этот раз, кто какую травму получил, кто какую рыбу поймал и кто сколько килограммов нес в рюкзаке. Ася плыла от усталости, поэтому кивала, не особо вслушиваясь, думала о недописанной курсовой, за которую пообещали хорошие деньги, о завтрашнем зачете, к которому она не успела подготовиться как

следует, о том, что маму надо показать офтальмологу, – а параллельно невольно прикидывала, сколько килограммов она перетаскала за неделю с рынка и из магазинов домой.

Получилось, что не один походный рюкзак, и не два. Значит, не такая уж она слабая, как думает Роман. Надо ему сказать, он обрадуется. И сказала. А он обиделся: «Что ты сравниваешь? Это совсем другое дело! И нагрузки не по правилам, а так, как попало. Так любой может, а толку-то?»

Она не поняла, что он имел в виду, но вот это в памяти застряло – «а толку-то?». Потом время от времени всплывало. Когда уставала особенно сильно, а отдохнуть было некогда. Таскала сумки с продуктами и стиральным порошком, готовила, мыла, стирала – стирки всегда очень много было, – а в голове безнадежно стучало: а толку-то? Очень скоро поняла, что толку-то никакого не будет. По инерции двигалась. Куда – не понимала. Поняла, когда маму положили на операцию – катаракта. Роман сидел дома на больничном – в очередном турпоходе обжег руку печеной картошкой. Ася бегала к маме в больницу каждый день, готовила специально для нее что-нибудь вкусненькое, приставала к врачам с расспросами, потом пересказывала ответы врачей тете Марте. Когда с глаза впервые сняли повязку и оказалось, что глаз видит, – испекла торт размером с автомобильное колесо, отволокла в отделение, долго говорила со Светкой о предстоящей специализации. Она уже решила, что станет офтальмологом. Хирургом. Светка ее выбор одобрила. Роман не понял: «С какой стати? Лучше бы травматологом. Хоть какая польза. С моим образом жизни свой травматолог в доме пригодился бы». Сидел дома с рукой, обожженной печеной картошкой, и капризничал: «К матери все время бегаешь, а на меня тебе наплевать! Она там под наблюдением врачей все-таки, а я здесь один, совершенно беспомощный! Мне даже гантель взять в руку больно! У меня даже аппетит пропал! Я даже в поход позавчера не пошел! Сижу, как инвалид, в четырех стенах! Я же форму теряю! А ты шастаешь где-то, предлоги ищешь, только чтобы о больном муже не заботиться!»

Инерция ее бестолкового движения замедлилась. И совсем иссякла, когда вдруг пришла свекровь с ответственной миссией – объяснить Асе от имени сына, что та неправильно себя ведет. Если она не хочет потерять мужа и хочет сохранить семью, надо вести себя правильно. Ася удивилась: почему от имени Романа говорит его мать? Роман сидел тут же, смотрел в стол, молчал, время от времени кивал, соглашаясь с матерью. В общем-то Ася с его матерью тоже могла согласиться. Зинаида Ивановна, в прошлом учительница начальных классов, спокойным, размеренным голосом говорила вечные истины: надо любить друг друга, надо заботиться друг о друге, надо вникать в интересы друг друга, разделять и боль, и радость друг друга... Роман смотрел в стол, согласно кивал, играл желваками, держал на виду залепленную марлевой нащепкой обожженную печеной картошкой руку. Ася сказала: «Зинаида Ивановна, я с вами полностью согласна». Та помолчала, подумала, тем же спокойным, размеренным голосом подытожила беседу: «Хорошо, что ты это наконец поняла. Значит, есть надежда, что исправиться. Хотя я в этом сомневаюсь. Я сразу сказала, что ты моему сыну не пара. Он меня не послушался, теперь пожинает плоды своего легкомыслия... Я говорила ему, что ты женщина слабая, склонная к меланхолии, не умеющая жить полной, насыщенной, активной жизнью. Наверняка есть хронические заболевания... Слабая женщина не может стать достойной и надежной спутницей жизни...» Роман сидел молча, смотрел в стол, согласно кивал. Ася сказала: «Зинаида Ивановна, я с вами и в этом абсолютно согласна». Мать с сыном переглянулись. Ася встала из-за стола, вышла из кухни, вынула из шкафа дорожную сумку и рюкзак – свадебный подарок, принялась собирать свои тетради, учебники, чужую курсовую, кое-какие тряпки, обувь... Тяжело. А еще книги. А еще компьютер. А еще чайный сервиз – подарок мамы и тети Марты. Она почувствовала себя очень слабой. В комнату вошел Роман. Начал было: «Что это такое?! Ты встала – и ушла! Это хамство!..» Заметил, что она складывает вещи в сумку, замолчал, играя желваками. Наконец зловеще спросил: «Ты понимаешь, что если уйдешь сейчас, то больше никогда не переступишь порог моего дома?»

Дом вообще-то был не его, но насчет порога надо решать прямо сейчас. Хорошо, что он напомнил. Тут еще ее компьютер, книги и так, по мелочи кое-что. Даже очень сильный человек за один раз все это не унесет, а она – слабая женщина. Ася позвонила Светке и сказала, что зря она не верила ей, дуре старой. Через пятнадцать минут Светка приехала с мужем, с братом мужа, с женой брата мужа и с соседом родителей жены брата мужа, который оказался майором милиции. Все они под руководством Светки быстренько вынесли и погрузили в микроавтобус Асины вещи, Ася следила, чтобы, не дай бог, чего-нибудь чужого не прихватили, а Светка время от времени отвлекалась от руководства для того, чтобы рассказать Зинаиде Ивановне, с какими страшными проникающими ранениями поступают в их отделение любители активного отдыха и что никто не удивится, если в скором времени поступит еще один, и еще не факт, что поступит он с этими страшными проникающими ранениями в дежурство самого Плотникова... Зинаида Ивановна начала было качать права совсем уже не спокойным и размеренным, а вполне склочным голосом, но тут майор милиции между делом поинтересовался, на каком основании гражданка находится в квартире, принадлежащей другому лицу. И Зинаида Ивановна сразу собралась уходить. И сына с собой позвала. Сын сорвался: «Ты что, вообще сдурела?.. Куда мне идти?! К тебе, что ли?! Да лучше сразу в петлю!» Светкин муж одобрительно сказал: «Вот это правильное решение». Брат Светкиного мужа схватил Романа за обожженную печеной картошкой руку, крепко ее пожал и потряс, а когда Роман охнул и побледнел, брат пожал ему руку еще крепче и выразительно сказал: «Как я тебя понимаю».

Асю посадили в микроавтобус, долго рассаживались сами, а потом еще долго совещались, куда ее сейчас везти. На нее особого внимания не обращали. Иногда Светка спрашивала: «Аська, правильно я говорю?» Ася кивала, совершенно не вникая, что там Светка говорит. С недавних пор свято верила, что Светка всегда все правильно говорит. Значит, и вникать незачем. Тем более что не было уже сил во что-нибудь вникать, совсем никаких сил не было, глаза слипались, в голове шумело, руки и ноги стали ватными... Она проснулась от какой-то возни вокруг. Ее вещи выносили из микроавтобуса. Ася выглянула в окно: деревня какая-то, что ли? Почему ее сюда привезли? Ладно, какая разница... Светка знает, что надо делать.

Потом выяснилось, что Светка не просто знает, а очень хорошо знает, что надо делать. Дом на окраине города, куда привезли Асю, был большим, удобным, тихим и чистым. Очень чистым, несмотря на то что вокруг него был сад, огород, куры гуляли, коза в сарае жила... Природа. Но почему-то с деревьев на голову ничего не сыпалось, мутные капли с потолка не шлепались, в постели не водился песок, в супе не плавали щепки. Две кошки свободно шастали из дома на природу и обратно, но они грязи почему-то не наносили. Хозяйка удивительного дома была какой-то дальней родственницей Светки. Или Светкиного мужа. Или жены брата Светкиного мужа. Или даже соседа родителей жены... в общем, того майора милиции. Вникать в тонкости родственных связей необходимости не было, Светка и сама в них не очень вникала. Просто мимоходом туманно объяснила, что они все тут родня в какой-то степени. И вообще, если покопаться в родословной каждого человека как следует, то окажется, что все друг другу родня. В какой-то степени. И даже какой-нибудь эфиоп может оказаться родственником, например, со стороны Пушкина. А у самой Аси в родственниках наверняка числится Генрих Гейне. Со стороны матери. И тети Марты. А со стороны бабушки родственником может оказаться Чингисхан. Нет? Ну, тогда сын степей калмык. В общем, все мы здесь в какой-то степени русские, в какой-то степени родственники и в какой-то степени племянники тети Фаины. Ася тоже может называть хозяйку дома тетей, потому что та и так знает, что Ася ей родня, а при необходимости это еще и доказать может.

Ничего доказывать никакой необходимости не было. Тетя Фаина правда сразу оказалась родной.

Почти как Асина бабушка. Она даже похожа была на бабушку. Маленькая, худенькая, смуглая, черноволосая, черноглазая... в движениях быстрая и совершенно бесшумная. И гово-

рила очень похоже – интересно, просто и весело. Первым делом съездила с Асей в гости к ее маме и тете Марте. Непринужденно познакомилась, тут же выяснила родственные связи.

– В девках какую фамилию носили? Кугель? Это не из самарских Кугелей будете? О, то-то я смотрю – лица родные. Моя бабка за двоюродным братом вашего деда замужем была. Ну как это вы не знаете! Дед-то у вас каким-то медицинским профессором был, правильно? Ну вот, все сходится. Здравствуйте, сестрички мои ненаглядные!.. Зовите меня тетя Фаина. Меня все так зовут. Да и молоденькие вы еще, чтоб у меня в сестрах ходить.

Асиной маме было почти пятьдесят, тете Марте – пятьдесят шесть. Тетя Фаина, которая выглядела моложе обеих, обращалась с обеими как с любимыми, но немножко бестолковыми детьми. От подробностей операции, которые несколько нервно, но и с гордостью стала излагать Асина мама, отмахнулась:

– Аннушка, не бери в голову, все это ерунда. Через месяц забудешь. Я знаю, мне Плотников еще девятнадцать лет назад хрусталики менял.

На осторожные расспросы, почему Ася не вернулась домой, зачем ей по чужим углам ютиться, если родной дом есть, тетя Фаина строго заметила:

– Вы чего это, девки, говорите-то? Какие это чужие углы, если мы родня? Да и негде у вас тут жить нормально. Полторы комнаты... А? Где ребенку заниматься? И отдыхать негде. Да и шумные вы сильно. Орете да хохочете, хохочете да орете... Аське сейчас тишина нужна. Она на глазного доктора учится. Будет у нас как сам Плотников. Вот так. У меня ей все условия, а у вас только шум один. А соскучитесь – в гости приходите. Да и Аську я к вам иногда отпускать буду. Но не сильно часто. Может, когда-нибудь потом – почаще. А сейчас нечего туда-сюда бегать. Сейчас ей отдохнуть маленько надо. А потом – учиться. И не спорьте со мной, я лучше знаю, как чего делать.

Мама и тетя Марта и не спорили. Они тоже сразу поняли, что тетя Фаина – родная. И что лучше знает, как чего делать, – тоже сразу поняли.

Тетя Фаина действительно знала, как что делать. Ася уже через несколько дней в этом большом, удобном, тихом, чистом – идеально чистом! – доме почувствовала, что становится другим человеком. То есть не другим, а прежним человеком. Она отдохнула. И главное ведь не сидела сложа руки, не валялась на диване перед телевизором, не спала до полудня, как еще совсем недавно мечтала, сидя за полночь над чужой курсовой, волоча с рынка экологически чистые пуды мяса и зелени – здоровый образ жизни, сбалансированное питание – и ручную отстирывая рюкзак, штормовку и спальный мешок любителя активного отдыха от смолы, зелени, сажи, кетчупа и вечной ухи, сваренной в котелке над костром. Стиральной машины у них не было. На свадьбу ее мама и тетя Марта подарили им пять тысяч – пять тысяч, с ума сойти! Как они только собрать сумели такую страшную сумму? Сказали: «На обустройство. Сама решишь, что самое нужное». Зинаида Ивановна тоже какую-то сумму Роману вручила. Тоже на самое нужное. Он не сказал Асе, сколько денег у него оказалось в руках, а она не спрашивала. Наверное, много оказалось: кое-кто из друзей тоже конверты вручал... Через месяц Роман привез в дом велотренажер. Сказал, что занял еще несколько тысяч, чтобы его купить. Вещь-то самая нужная. Просто необходимая. Ну, она и стирала его походное снаряжение вручную. Каждый раз, когда он возвращался из турпохода, каждый понедельник – к пятнице все это должно было высохнуть. Однажды заикнулась о стиральной машине. Роман искренне удивился: «Зачем? Наши бабки вообще в речке стирали – и ничего, здоровые были. А у тебя и ванна под боком, и горячая вода почти всегда, и порошки специальные». У тети Фаины была стиральная машина. Не очень современная, но в идеальном состоянии. Стирать в ней было одно удовольствие. Не работа, а сон в летнюю ночь. И готовить на старой газовой плите было одно удовольствие. Плите было лет тридцать пять, но она тоже была в идеальном состоянии. Вообще все в доме было в идеальном состоянии, от древних дубовых шкафов до плетеных ковриков у входной двери. Коврики было три, тетя Фаина меняла их каждое утро.

Вчерашний выполощет – и сушить, а новый, чистенький, кладет у двери. Даже кошки, возвращаясь в дом, вытирали о коврик лапы, долго топтались по нему, безуспешно пытаясь разодрать когтями тугое плетение разноцветных веревочек, а потом старательно вылизывали розовые, идеально чистые пятки. Ася не могла представить, как можно научить кошек такому фокусу. Спросила тетю Фаину.

– Да ничего я их не учила, – ответила тетя Фаина. – Это они сами привыкли. Я коврики-то с хлоркой полощу, чуть-чуть, чтобы людям не воняло. А кошки запах чувят. Для них хлорка пахнет лучше, чем для тебя ваниль. Вот и кайфуют, твари гулящие. Да им это не вредно, ты не беспокойся.

Ася и не беспокоилась. В этом доме никому ничего не могло навредить. Мимо тети Фаины не могло ничего вредоносного прошмыгнуть незамеченным. А будучи замеченным, все вредоносное тут же без видимого труда дезактивировалось. Тетя Фаина даже руки Асе сумела вылечить, о чем Ася и не мечтала, не потому, что была склонна к меланхолии, а потому, что все-таки в мединституте училась. Знала пределы возможного.

– Ну вот еще, пределы какие-то, – насмешливо сказала тетя Фаина, внимательно рассматривая ее ороговевшие навсегда ладони, больно разгибая опухшие навсегда пальцы, ощупывая окостеневшие навсегда суставы. Тыльную сторону руки даже щекой потрогала. – Ты, Аська, про всякие такие пределы при мне не говори. Не люблю глупости слушать. В мире никаких пределов не бывает. Пределы бывают только для того, кто их сам себе придумал. Вот у козы нашей предел мечтаний – кочан капусты сожрать и буханкой хлеба закусить. А предел свободы – это чтобы веревка подлиннее... Чтобы не рядом с колышком на привязи ходить, а даже и до боярышника возле забора дотянуться можно было. А у человека какие пределы? Если он себе предел ставит, так это и не человек уже, а та же коза.

И руки Асе вылечила. Траву какую-то заваривала, над паром велела держать подолгу, пока до самых локтей не прогревались как следует. Растирала кисти гусиным жиром, мазала медом, заставляла в пальцах карандаши вертеть, показала, как именно. Потом надо было разогретый воск в руках мять. Потом – учиться рисовать, вязать, вышивать... Потом тетя Фаина надела Асе на запястья что-то вроде браслетов, а на пальцы – что-то вроде колец, сплетенных из мелкого колючего бисера и шерстяной колючей нитки. Вид у этой бижутерии был диковатый, Ася сначала даже стеснялась с этими браслетами и кольцами ходить, но тетя Фаина снимать их запретила, и Ася не снимала. Через две недели заметила, что браслеты и кольца, сплетенные из грубой нитки и мелкого бисера, носят почти все девчонки на курсе – в моду вошло. А ей можно уже было не носить, у нее уже суставы не болели, пальцы стали опять тонкими и гибкими – хоть в косу заплетай. И очень сильными стали, гораздо сильнее, чем раньше были. Тетя Фаина почти ничего не запрещала руками делать, говорила, что для рук любая работа полезна, и чем больше разной работы – тем полезней. Просто надо знать, как что делать, чтобы не навредить, чтобы не вопреки замыслу природы. Пудовые авоськи в руках таскать – это вопреки замыслу природы. И брезент голыми руками стирать, полоскать, выкручивать – это тоже вопреки... Особенно в холодной воде. Вот руки и отказывают, если ими делают не то, для чего их природа задумала. А у глазного хирурга руки должны быть здоровые, надежные, сильные, спокойные, чуткие... Асины руки постепенно такими и стали. Тетя Фаина все время бдительно следила, что и как Ася делает своими здоровыми руками. Ася делала практически все – только что авоськи не таскала, – а руки оставались здоровыми. Еще и здоровей, кажется, становились. Значит, все правильно делала, по замыслу природы, а не вопреки ему. Потом, когда начала работать в отделении у самого Плотникова, Ася уже сама рассказывала и показывала коллегам, что надо делать с руками по замыслу природы. Одну санитарку даже к тете Фаине возила, у санитарки руки болели сильно, никакие лекарства не помогали, никакие процедуры, она совсем отчаялась, даже думала, что придется работу бросать. Советам Аси не верила – что они понимают, молодые? Советовать легко, посмотрим, как запоет, когда у самой руки совсем

откажутся шевелиться... Тетя Фаина и этой недоверчивой санитарке руки вылечила. И о том, что с Асиными руками было, рассказала. А санитарка рассказала всем в отделении. С тех пор все безоговорочно верили Асе, всем ее советам следовали очень старательно, Алексеев даже вязать научился, бабы носили браслеты и кольца, сплетенные из шерстяной нитки и колючего бисера... Правда, на работе не носили – за шерстяную нитку в отделении Светка с хрустом сожрала бы любого, даже самого Плотникова. Но за пределами отделения Светка и сама такой браслет носила. А в отделении все крутили в пальцах карандаши, ручки и даже пинцеты. Все время, совершенно машинально, привыкли уже.

Ася заметила, что крутит в пальцах карандаш. Левой рукой крутит, а правой – историю болезни листает. История была неинтересная, и болезнь неинтересная – ячмень на верхнем веке. Этот курящий депутат после парилки холодной водичкой облился. На следующий же день заметил, что веко воспалилось и болит, но к врачу сразу не пошел, ему некогда было – заседание какое-то важное. А через день – встреча с избирателями. А еще через день – еще заседание. А потом – опять баня, парилка и холодная водичка... А потом его привезли с таким абсцессом, что смотреть страшно было. И с температурой... Вот и чем он лучше любителя активного отдыха? Пора выписывать. На всякий случай напугать как следует насчет холодной водички после парилки – и пусть идет дальше заседать. Тем более что ему и самому здесь не нравится. Из отдельной палаты – можно сказать, из отдельного люкса с мягкой мебелью, телевизором, душем и туалетом – его переселили в четырехместную. Какому же депутату такое понравится? Он, конечно, не против пообщаться с электоратом, но не так тесно. Сначала даже что-то о депутатской неприкосновенности стал рассказывать, но, говорят, когда увидел автоматчиков, идущих рядом с носилками, на которых лежал больной в наручниках, о неприкосновенности забыл, прихватил из люкса свои шмотки и пошел в народ. Пора его выписывать, пора. Надоел уже. И у народа от непосредственной близости своего избранника настроение стало портиться, что на процесс выздоровления влияет неблагоприятно... Вот интересно – почему зэка со всей этой пятнистой армией именно в люкс вселили? Ах да, это же единственное помещение на этаже, где на окне есть железная решетка. Или потому, что туалет есть. А то если каждый раз в общий водить – это каждый раз устраивать в коридоре крупномасштабные военные учения.

А Плотникова все нет. К чему ж готовиться-то? К экстренной операции или к приему больных вместо него? Больные будут разочарованы. Они же сюда к самому Плотникову идут. Очередь на лестнице стоит от двери кабинета, выходящей прямо на лестничную площадку, до первого этажа. Вот так, прийти с утра пораньше, отстоять два этажа – и попасть не к самому Плотникову, а неизвестно к кому. Неизвестно к кому они могли бы и в районную поликлинику сходить.

В дверь заглянула Люда:

– Ася Пална, вас кто-то к телефону.

«Кто-то» – это означало, что звонит чужой. Голоса мамы, тети Марты, тети Фаины и детей в отделении все знали. «Кто-то» мог быть кем угодно, от корреспондента местной телекомпании до жены курящего депутата, которая звонила каждый день по два раза, очень беспокоилась о здоровье мужа. Однако навестить ни разу за четыре дня не пришла. Еще часто звонили мамы выписанных после операции всяких любителей активного отдыха. Главным образом спрашивали, сколько калорий и витаминов теперь следует потреблять сыночку, чтобы восстановить прежнюю форму. Этих Ася не любила. Любила тех, которые спрашивали, какими аргументами теперь лучше всего пугать сыночка, чтобы как можно дольше удерживать его от дальнейшего активного отдыха, – вдруг удастся сориентировать на созидательную деятельность? Этим мамам Ася сочувствовала, говорила с ними охотно, придумывала аргументы, хотя почти в каждом случае точно знала, что никакие аргументы не помогут. Любители активного отдыха – это не по ее профилю, она не психиатр. Хотя и психиатр вряд ли поможет. Медицина бессильна.

– Вам мужчина звонит, – доложила Люда таким голосом, будто объявляла о награждении Аси медалью «За отвагу на пожаре». Вроде бы и радовалась за нее, но до конца поверить не могла.

– Какой еще мужчина? Корреспондент, что ли? Или наш больной?

– Не, не из этих... – Люда сделала выражение лица типа «все равно медаль вручу». – Вам какой-то знакомый звонит. Голос такой... такой... В общем, та-а-акой голос! Мне кажется, он блондин. И глаза у него голубые. В крайнем случае – серые.

– Это все ты по голосу определила? – заинтересовалась Ася. – Потом расскажешь методику, ладно? Хотя среди моих знакомых нет никаких блондинов с голубыми глазами. И с серыми – тоже нет.

– Наверняка блондин, – упрямо сказала Люда. – С таким голосом – и не блондин? Это было бы странно и даже противоестественно, как говорит Плотников... То есть как вы говорите. Но Плотников уже тоже так говорит, так что все равно... Ну вот могу поспорить, что блондин!

Ася шла по коридору к общему телефону, а Люда зачем-то шла за ней, увлеченно развивая тему блондинов с голубыми глазами. А, вот зачем она следом идет – ей страшно интересно узнать, кто это звонит Асе на работу. Мужчина. Сроду никто не звонил, а тут вдруг «та-а-акой голос». Конечно интересно.

Наверное, Люда стояла бы рядом и слушала, о чем Ася говорит по телефону, но тут ее окликнул кто-то из старушек, она отвлеклась, отстала, о чем-то не менее увлеченно заговорила со старушкой, и Ася подошла к телефону без сопровождения.

Обязательно надо потом у Люды спросить, как она определяет масть по голосу. Да еще так точно. Блондин с голубыми глазами. Точнее – с серо-голубыми. Подумать только, а ведь Ася совсем забыла, что у нее есть знакомый блондин с серо-голубыми глазами! Был.

– Здравствуй, Ася, это я, – сказал блондин та-а-а-ким голосом. И взволнованно задышал в трубку.

– Здравствуйте, Иван Иванович, – со всей возможной приветливостью ответила она. – Вы насчет приема? Можете подъезжать прямо сейчас. Плотников пока не вернулся с вызова, но я сама вас посмотрю, если вы не возражаете. Подъезжайте, Иван Иванович, и не обращайтесь на очередь. Мы ветеранов войны без очереди принимаем.

Блондин дышать взволнованно перестал, поперхнулся, покашлял в сторону и недоверчиво спросил:

– Ты что, не узнала меня? Ветеран какой-то... У меня что, такой старый голос?

– Господи, Маргарита Степановна! – испугалась Ася. – Я вас действительно не узнала, простите, простите, простите... Вы не простудились? У вас голос такой... Немножко сиплый. И кашляете. Вам сейчас не следует болеть, все-таки операция не так давно была. Или вы опять курить начали? Ох, Маргарита Степановна, доберусь я до вас... А дети куда смотрят? Нет, надо мне с вашими детьми поговорить по душам. Может быть, хоть они на вас повлияют, раз меня не слушаетесь. Маргарита Степановна, так и знайте: я очень расстроилась.

– Какая еще Маргарита?! – закричал блондин. – Вообще уже... Это же я!

И опять поперхнулся и закашлял. Уже не в сторону, а прямо в трубку. Прямо ей в ухо. Урод.

– Альберт, урод, я тебя узнала, – строго сказала Ася. – Хватит идиотничать. У меня, между прочим, рабочий день. Нашел время развлекаться... Или случилось чего-нибудь? Говори сразу, паразит, не доводи до греха. Ну, что там у тебя? Опять пару схлопотал? Выпорю. Так и знай, гад: о футболе можешь забыть на целый месяц. Все, некогда мне с тобой сейчас разбираться. Дома поговорим. Пока...

– Подожди! – жалобно воскликнул блондин. – Подожди, ты что!.. Ась, никогда бы не поверил, что ты можешь собственного мужа не узнать...

– Я не замужем, – равнодушно сказала Ася. – Вы ошиблись номером. Попробуйте набрать еще раз, повнимательнее.

– Ну, бывшего мужа, – сдался блондин. – Все равно, какая разница... Неужели правда не узнала? Это же я, Роман!

– Привет, – еще равнодушной сказала Ася. – А я думала, кто-нибудь по делу звонит... Или ты тоже по делу? У тебя что-то с глазами не так? Через полчаса Плотников прием должен начать. Правда, это еще не точно. Может быть, задержится. Тогда я начну. Только у нас очередь всегда сумасшедшая. Придется часа четыре выстоять. Ты же не ветеран войны. А без очереди только ветераны. Ну и еще те, которые с травмами. Или у тебя травма? Тогда без очереди примем.

– Какая еще травма? – испугался Роман. – Никакой у меня травмы, тьфу-тьфу-тьфу... Я что, просто так позвонить не могу? Поговорить по-человечески... Ась, может, встретимся, а? Посидим где-нибудь, поужинаем, потанцуем...

– Роман, ты уверен, что у тебя никакой травмы не было? – озабоченно спросила Ася. – И травмы черепа не было? Странно... Слушай, если ты не по делу звонишь, тогда я работать пойду. Сегодня много работы, да еще к завтрашним операциям готовиться... Завтра две плановые. И еще неизвестно, сколько экстренных. Времени совсем нет, ты уж извини великодушно. Ну, пока.

– Ага, времени у тебя нет! А с молодыми людьми по улицам гулять время есть! Я тебя вчера на бульваре с молодым человеком видел!

Слово «молодой» Роман произносил с ненавистью. Бедняжка, ему ведь сорок скоро. А он всю жизнь был уверен, что активный отдых навсегда законсервирует его в молодости.

– С каким таким молодым человеком? – удивилась Ася. – Вчера? А-а, ну да, помню... Только какой же он молодой? Нет, он немолодой уже. Всего лет на пятнадцать моложе тебя.

Роман молчал. Опять принялся взволнованно дышать в трубку. Наконец превозмог волнение, сказал та-а-аким голосом:

– Я соскучился, Аська, одуванчик мой маленький... Может быть, все-таки встретимся когда-нибудь?

– Может быть, – согласилась она и горестно вздохнула. – Может быть, когда-нибудь и встретимся. И даже скорее всего. К нам без конца любителей активного отдыха привозят. Активный отдых – очень опасная профессия. Такие травмы бывают страшные, я тебе передать не могу... Правда, самые сложные операции делает сам Плотников. Так что вообще-то можем и не встретиться. Хотя перевязки часто делаю я, так что, может быть, все-таки встретимся. Ну, до встречи.

Она положила трубку и немножко постояла в глубокой задумчивости. Зачем все-таки Роман звонил? Это было странно. Очень странно. И даже противоестественно. Столько лет никак не проявлялся... Ведь не потому же проявился, что вчера ее увидел с Митькой? Даже при самой извращенной фантазии Митьку нельзя было принять за ее «молодого человека». Митьке через два месяца пятнадцать стукнет... Нет, Роману что-то надо было. Просто так он знакомства сроду не поддерживал, только с пользой для дела. Интересно, какую такую пользу он мечтает получить в этот раз? И для какого дела?..

За спиной мелко зашуршали бахилы. Люда. Ее бахилы всегда шуршат как-то особенно мелко – как будто мышонок по опавшим листьям бежит. Ася оглянулась – ну да, точно, Люда. Смотрит с радостным ожиданием. Сейчас спросит, действительно ли блондин звонил.

– Ну, ведь правда же блондин? – спросила Люда. – Который звонил – он ведь блондин, правда? Признайтесь, Ася Пална! И с голубыми глазами, да? Я насчет блондинов никогда не ошибаюсь!

– Да, не ошибаешься, – согласилась Ася. – Блондин... то есть – был. Давно, в молодости. Сейчас лысый практически. И глаза у него не голубые, а... непонятного цвета. Выцвели,

наверное. С блондинами всегда это происходит. В молодости – блондин, а к старости – бледная поганка. Да еще и в крапинку... Такая гадость.

Она не видела Романа пять лет и понятия не имела, как он теперь выглядит. Скорее всего, как и прежде. Активный отдых, сбалансированное питание, необременительная работа... Не работа, а сон в летнюю ночь. Да наверняка ничего в нем не изменилось. Но должна же она хоть как-то оградить молодую и восторженную дурачку от возможной ошибки. Хотя вряд ли поверит. Сама-то Ася семь лет назад Светке не верила.

– Ой, как жалко... Неужели со всеми так? А мне блондины так нравятся... – Люда опечалилась, сделала выражение лица типа «в фантике не оказалось конфеты», но тут же что-то вспомнила и заметно повеселела. – Ася Пална, а брюнеты? Они к старости ничего? Или тоже как поганки в крапинку?.. Брюнеты мне тоже иногда нравятся. Зэк этот – брюнет, вы обратили внимание? И к тому же – с плечами. Этот вряд ли к старости как поганка будет, да?

Ну вот, из огня да в полымя... Раньше за Людой что-то не замечалось такого интереса ни к блондинам, ни к брюнетам.

– О зэках разве можно что-то заранее сказать? – удивилась Ася. – Они и в молодом возрасте выходят из тюрьмы такими... такими сморчками, что по сравнению с ними и бледная поганка в крапинку – образец совершенства... Это если вообще выходят. В смысле – из тюрьмы. Но даже если и выходят – так все равно ненадолго. Это же всем известно. Даже в классике отражено: «украл – сел – вышел – украл – сел»... Разве не помнишь?

– Помню, – неуверенно сказала Люда. – Вот и чего так не везет? За мной одни рыжие бегают. Трое бегали, и все – рыжие. Недавно в Интернете с одним канадцем познакомилась. Переписываться стали, он вообще-то русский по происхождению, так что никакого языкового барьера. Хороший парень, серьезный. Жениться хочет. Так можете себе представить: фотографию присылает – опять рыжий. Еще рыжее, чем остальные. Прямо проклятие какое-то... Да, Ася Пална, Плотников пришел. Сказал, что экстренной не будет, тыфу-тыфу-тыфу... Сразу к себе пошел, сказал, что сам принимать будет. Просил вас зайти, рассказать, как там глаз у зэка. Сказал, что сам потом посмотрит, а то еще не завтракал, так что перед приемом хоть чаю попьет... сказал, что сегодня ему помогать не надо, народу мало, и почти все – его, просто на очередной осмотр пришли. День сегодня хороший, да, Ася Пална? Спокойный. Никого не привезли пока... Тыфу-тыфу-тыфу... А четверых выписываем. Главное – депутата тоже выписываем. Он сегодня бабе Жене выговор делал. За манную кашу. Он, видите ли, манную кашу не любит. Баба Женя говорит, что всех больных одинаково кормят. А он говорит, что депутат, поэтому имеет право... в общем, какие-то у него права есть. И неприкосновенность. Никому никакого жития от этой его неприкосновенности. Слава богу, что сегодня выписываем. Все-таки хороший сегодня день, согласитесь, Ася Пална!

С этим утверждением Ася могла бы согласиться. Если бы не звонок Романа. Конечно, ну его к черту, думать об этом совершенно незачем... Но ведь правда странно. И даже противоестественно. А от всего противоестественного она очень расстраивалась. Ну и чего хорошего можно ожидать от этого дня, если с утра пораньше приходится расстраиваться?

– Ой, – вдруг встревожилась Люда и завертела головой. – Ой, Ася Пална, слышите? Светлана Алексеевна кричит... в пятой! Ой, Ася Пална, наверное, менты опять бахилы сняли... Она с утра уже третий раз на них кричит. Ну правда ведь никакого терпения не хватит! То бахилы снимают, то чай в раковину выплескивают. Прямо с заваркой. То есть с листьями. Как будто им здесь овощной магазин... Ой, Ася Пална, чего-то она сильно кричит! Наверное, что-то очень серьезное! Наверное, кто-нибудь курил в палате!

Ася вздохнула и направилась к пятой палате. Ничего хорошего сегодня ожидать не приходится.

После противоестественного звонка Романа она и не ожидала ничего хорошего. И Светка орет, как будто таракана в операционной увидела. Что ж там стряслось? Не дай бог, и правда таракан. Она уже и так сегодня два раза расстраивалась...

Из пятой палаты выскочила Светка, с разбегу налетела на Асю, чуть не сбила ее с ног, схватила за рукав и яростно заявила:

– Я их под суд отдам. Вредителей этих. Под трибунал! Ты глянь, что творят, а? Нет, ну, ты глянь, что они творят, волки позорные!

Из дверей пятой палаты выглядывал автоматчик. Выражение лица у него было типа «это не глазное отделение, а психиатрическое».

– Тихо! – Ася оглянулась и отцепила Светки-ну руку от своего рукава. – Это же я все время расстраиваюсь, а не ты... Забыла, что ли? Что там стряслось? Говори уж, и пойдем разбираться.

Светка отцепилась от нее, глубоко вздохнула, потрясла головой, оглянулась на автоматчика и растерянно сказала:

– Анастасия Павловна, вы не поверите... Он на оперированном глазе лежит.

После того как Ася увидела сегодня гематому вокруг неоперированного глаза этого больного, она могла поверить во что угодно. Но вслух все-таки не поверила:

– Не может быть.

У автоматчика выражение лица стало типа «жизнь была такой короткой». Он отступил назад, дверь в палату тихо прикрылась, оставив узкую щель, за дверью забубнили, Ася уловила что-то похожее на «кошка дикая»... Это про нее, что ли? Какие ненаблюдательные менты бывают. И памяти никакой. Им же сегодня уже неоднократно объясняли, что она – слабая женщина, склонная к меланхолии. Поэтому расстраивать ее не надо. А они не поверили. Ну, сами и виноваты.

– Они его наручниками к кровати приковали, – возмущенно говорила Светка, поглядывая на дверь пятой палаты. – За правую руку с левой стороны... ну, за раму слева. И он лежит на левом боку! На оперированном глазе! Они что – нарочно?! Или совсем дебилы?! Вот интересно: если их спросить – что они ответят?!

– Действительно, интересно, – печально согласилась Ася. – Ну, пойдем спросим... Люда, предупреди, пожалуйста, Плотникова, что сейчас, наверное, придется срочно больного посмотреть. Мало ли что...

Дверь в палату закрылась плотно. Ася сделала выражение лица типа «только без паники» и тихо добавила:

– Пусть Игорь Николаевич сначала поест спокойно. У меня в столе печенье «Юбилейное», он любит.

Дверь в пятую палату опять приоткрылась. Люда вытаращила глаза, испуганно сказала: «Есть!» – повернулась через левое плечо на сто восемьдесят градусов и шустро зашуршала бахилами по коридору.

Из пятой палаты высунулся автоматчик. Глянул в оба конца коридора с выражением лица типа «везде засада». Не глядя на Асю, хмуро спросил:

– А как еголожить-то? Мы ж не знаем, как надо. Так чё ж ругаться-то? Он лежит, не жалится... Никаких претензий.

– О господи! – Светка подняла глаза к небу и сделала выражение лица типа «а я думала, что уже всяких видела». – Анастасия Павловна, я поняла. Они это не нарочно.

– Не, не нарочно, – с готовностью подтвердил автоматчик, отступая в глубь палаты. – Вы покажите, как надо, мы так и пристегнем...

Светка вошла первая, свирепо поглядывая на пятнистых и жалобно приговаривая:

– Анастасия Павловна, вы только не расстраивайтесь...

М-да... Тут и правда расстроиться можно. Пятая палата, люкс с мягкой мебелью, железной решеткой на окне, отдельным туалетом и даже душем, стала тюремной камерой. Или казармой? Никакой разницы. Телевизор из палаты вынесли. Больших мягких кресел тоже не было. Диван остался, но был разложен и застелен, как постель. И появились три железные кровати. На одной из них рядышком сидели больной и квадратный, скованные наручниками. Маразм. Выражение лица у обоих было типа «отстали бы вы от нас, наконец». Два автоматчика стояли у двери. Один – у окна. Еще один сидел на диване, неловко натягивал бахилы.

– Значит, так, да?! – грозно начала Светка, на глазах накаляясь. – Значит, опять своими копытами топчете?! Та-а-ак...

– Светлана Алексеевна, чуть позже, ладно? – попросила Ася, грустно поглядывая на автомат, который ёрзал прикладом по чистому покрывалу. – Сейчас мне хотелось бы знать, почему больного положили на оперированный глаз. Кто отдал такой приказ и чем при этом руководствовался.

– Да какой приказ... Положено пристегивать. Откуда мы знаем, как можно? – Квадратный искоса глянул на Асю, на Светку, отвернулся и тяжело вздохнул.

Больной тоже тяжело вздохнул и отвернулся в другую сторону.

– Вам разве не сказали? – удивилась Ася.

– Никак нет! – хором отрапортовали автоматчики и квадратный.

– Брешут, – уверенно заявила Светка. – Сразу после операции должны были сказать.

– Так нас же тогда не было! – вскинулся квадратный. – Тогда же не мы были! Мы же только с двенадцати ночи! С двадцати четырех ноль-ноль!

– Ладно, – согласилась Ася. – Пока не будем считать это умышленным членовредительством. Пока будем считать это причинением вреда по неосторожности... Попрошу слушать меня очень внимательно.

И несколько минут она рассказывала присутствующим, что сделанная операция – это чудо, которое в очередной раз сотворил сам Плотников. И перед этим чудом надо благоговеть, холить его, и лелеять, и всячески ограждать от негативных факторов, каковыми может явиться вот то, то и то, и еще лежание на левом боку, поскольку оперирован левый глаз, и еще любые травмы головы, пусть даже этот глаз не задевающие, и еще резкие движения... Да, да, господин майор, это я вам говорю. Нельзя дергать больного за руку и заставлять резко подниматься и садиться... Все надо делать очень плавно и осторожно, иначе последствия могут оказаться самыми плачевными.

– Под трибунал загремите, – расшифровала Светка последнее заявление Аси. – Сядете все на пятнадцать лет. А я каждому еще и морду набью.

Аудитория, до этого слушавшая внимательно и серьезно, зашевелилась, заулыбалась и заперегля-дывалась. Не поверили. Напрасно.

– Не надо, Светлана Алексеевна, – печально сказала Ася. – Дело-то серьезное – работу самого Плотникова пытались испортить! Я не хочу, чтобы виновные отделались пустяками вроде трибунала и травм черепа... Если действительно хоть сколько-нибудь навредили – я сама ими займусь.

Аудитория перестала переглядываться и уставилась на нее с выражением лиц типа «ну, это уж вообще ни в какие ворота». Больной насмешливо хмыкнул.

– Вас это тоже касается, – предупредила Ася, глядя больному в переносицу.

И вышла из палаты, тихо прикрыв дверь. Не очень плотно.

– А она-то что может сделать? – раздался за дверью голос квадратного. – Котенок...

– Она-то как раз может что угодно, – зловеще ответила Светка. – Она такое может сделать, что мне даже представить страшно. Ася Пална у нас колдунья. Так что вы ее лучше не расстраивайте.

Глава 3

Впервые колдуньей Асю называли соседи тети Фаины. Ася тогда уже начала работать в районной поликлинике. Кое-кто из соседей приходил к ней на прием. Потом домой стали приходить – чего, мол, по поликлиникам таскаться, если доктор рядом живет? Ася сначала сердилась. В самом деле, как люди простых вещей не понимают? Дома у нее – ни инструментов, ни оборудования, ни медицинских карт больных, ни помощников... Но постепенно смирилась.

В ее дом – вернее, в дом тети Фаины – люди шли не затем, чтобы она очки им подбирала. Чаще всего – за скорой помощью: мелкие, неопасные, но мешающие травмы, соринка в глаз попала, веко чем-то оцарапалось, какая-то насекомая тварь укусила. Постепенно у Аси и дома оказались кой-какие инструменты, перевязочный материал и медикаменты, необходимые для оказания первой помощи при таких пустяках. Пациенты, конечно, эти соринки в своем глазу пустяками не считали. Слух о докторе в соседнем доме ширился. Обрастал легендами о «легкой руке» и экстрасенсорных способностях. Людей приходило все больше. Исцеленные от песчинки в глазу благодарили, уходили, потом приходили с какими-нибудь смешными подарочками и приводили сватов, братьев, деверей или просто знакомых – новых пациентов, страдающих песчинкой в глазу. Тетя Фаина шоколадки и цветочки, которые самостийные пациенты несли Асе, забирала, но с самими пациентами вела себя сурово:

– Вы каким местом думаете, а? Человек весь день на работе, домой приходит – и опять до ночи работа! Сердца у вас нет! На каждого время тратит, силы тратит... Она ж все-таки не колдунья, чтобы в момент такую толпу вылечить! Она ж все-таки руками работает, а не волшебной палочкой машет!

– Да, – смиренно соглашались самостийные пациенты. – Не колдунья. Руками работает. Но руки-то у Аси какие! Куда там любой колдунье...

Но тогда о колдунье говорили еще так, вроде бы для красного словца. А после собаки титул стал практически официальным. Неоспоримым, как клеймо: колдунья.

Собака жила у соседей через дорогу. Огромный беспородный пес с характером как у вохра на пенсии. Не было ни одной проезжающей машины, которую бы он не облаял, ни одной кошки, за которой бы он не погнался, ни одного гостя, которого бы он согласился впустить в дом, и ни одного члена семьи, которого бы он слушался безоговорочно. Более-менее признавал хозяйку – она его все-таки кормила. Но и ей не позволял гладить себя – раздраженно отбрыкивался и лез в конуру. Там хмуро пережидал, пока во дворе никого не останется, потом вылезал и опять начинал злобно облаивать машины, прохожих, воробьев, падающий с дерева лист и даже полотенце, сохнувшее на веревке. Днем и ночью брехал, никакого покоя от него. Когда облаивать было некого – затевал собачьи скандалы. Высказывал ни с того ни с сего в адрес соседнего собачьего сообщества что-нибудь, наверное, страшно оскорбительное, сообщество тут же хором высказывалось в его адрес – и скандал на полчаса как минимум. Хозяева собак иногда тоже включались: «Да заткни ты свою шавку!» Тогда скандал длился дольше.

Поэтому, когда пес ни на кого не лаял двое суток, все, в том числе и хозяева, от внезапно обрушившегося на них блаженного покоя не сразу поняли, что он просто заболел. Хозяйка заглянула в конуру – там ли он вообще? Не жрет ничего. Пес был там, беспокойно возился, тер лапой морду, поскуливал... Вылез на зов, без интереса тронул носом миску с кашей, перешел к миске с водой, жадно вылакал всю воду, ожидающе поднял морду вверх. Тогда хозяйка и заметила, что у зверя один глаз закрыт, дорожка от слез – по всему носу. Уже стали придумывать, как везти его к ветеринару, но тут заметили Асю, которая возвращалась с работы. Сунулись к ней: посмотри больного. Она удивилась: это же собака, а не человек! Хозяйка пса обиделась: да какая разница? Больной – он и есть больной, национальность значения не имеет. Национальность, упомянутая в этом контексте, потрясла Асю до глубины души. Этот аргумент

перевешивал все, даже паскудный характер неожиданного пациента. Ася зашла в дом за физраствором, инструментами, салфетками, каплями – и отправилась на вызов.

Пес лежал возле будки, положив морду на передние лапы, и раздраженно порывивал на хозяйку, которая стояла рядом и растерянно спрашивала у него:

– Ну и как тебя доктор смотреть будет, если ты даже меня не подпускаешь? Что ж теперь – связывать тебя, что ли? Ты чего ругаешься, глупый человек? Лечить-то тебя надо, как ты думаешь?

– Не надо никого связывать, – сказала Ася, усаживаясь перед псом на траву. – Ему и так страшно... Газетки какой-нибудь не найдется? На землю постелить. Не догадалась захватить, привыкла, что всегда все на столе под руками лежит.

Хозяйка торопливо стащила с себя фартук, расстелила рядом с Асей, сама опустилась на колени, с дрожью в голосе спросила, не нужно ли чем помочь... Пес на хозяйку твякнул. Все-таки на редкость склочный характер. Человек помощь предлагает, а он...

– Человек помощь предлагает, а ты вместо благодарности ругаешься, – упрекнула Ася пса, выкладывая на расстеленный фартук свой дежурный арсенал. – С твоей стороны это странно и даже противоестественно. Помощь, чтоб ты знал, – это многократное увеличение твоих сил и возможностей. Причем без всяких химических стимуляторов, что само по себе уже хорошо.

Она болтала, не особо задумываясь над смыслом слов, как всегда болтала, работая с детьми, стариками и особо нервными пациентами, а сама в это время подтягивала пса за ошейник, укладывала его морду к себе на колени и прикидывала, что можно было бы сунуть ему в зубы, если вдруг надумает кусаться. О, бейсболка сгодится. Сняла бейсболку, положила на колени прямо под песьим носом. Пес пока кусаться не думал, лежал смирно, помаргивал здоровым глазом, слегка вздрагивал ушами, тоскливо вздыхал. Хозяйка, стоящая рядом на коленях, кажется, не дышала.

– Слушай, а ты совсем не глупый человек, – сообщила Ася псу. – Мне кажется, что ты даже очень умный человек... И сила воли у тебя есть. Такая выдержка! Всем бы такую... Если ты мне не будешь мешать, то я не сделаю тебе больно.

Она примерилась, как половчее взяться за непривычно шерстистое веко, быстро и осторожно вывернула его и с облегчением вздохнула – глаз был цел. Склера поцарапана сильно, красная, раздраженная – какая-то дрянь колючая в глаз попала, вцепилась под верхнее веко, не хочет слезой вымываться... А вот она, дрянь колючая. Металлическая. Если железо – это мы мигом... Ага, железо, сразу магнитом снялось.

– Ай, – жалобно сказал пес. Но даже не шелохнулся.

– Чего это «ай»? – обиделась Ася. – Не обманывай, пожалуйста, тебе уже совсем не больно. Сейчас еще капли закапаю – и иди гуляй.

Пес, поднявшийся было на ноги, опять улегся на траву и положил башку к ней на колени.

– Молодец, – похвалила его Ася, промывая все еще слезящийся глаз физраствором и на всякий случай закапывая левомецетин. – Ты самый смелый из всех моих пациентов... Да, а как пациента зовут?

– Пациент, – странным голосом сказала сбоку хозяйка. – Раз пациент – так уж пусть Пациент и будет... А то ведь его никак не звали. Пес и пес.

Ася оглянулась. Хозяйка была белая как мел. Встретилась с Асей взглядом, с трудом перевела дух и призналась:

– Я так боялась... Ой, я так боялась! Думаю: как тыпнет сейчас за руку... Он ведь и так никого не подпускает. А тут еще больной... Асечка, вы колдунья, что ли? Ведь он вас как слушает, как слушает! И все понимает. Ведь понимает, правда? Я же вижу, что понимает! Нет, вы точно колдунья. Настоящая волшебница.

«Волшебница» – это было бы, конечно, предпочтительнее. Но почему-то не прижилось. А «колдунья» – прижилось. Да так прочно, что и в поликлинике, где она тогда работала, ее стали называть колдуньей. А когда сам Плотников к себе работать позвал, Ася пришла в отделение с уже навсегда приросшим к ней прозвищем. Иногда это страшно раздражало. Все-таки очень много было таких, кто всерьез верил в ее сверхъестественные возможности. Ждали и даже требовали от нее таких чудес, которых не ждали и не требовали от самого Плотникова. Разуверить никого было невозможно. Махровую дремучесть Ася не любила. Но дремучий пациент или вполне вменяемый – он ее больной, национальность значения не имеет.

А иногда эта дурь даже помогала. А все Светки-на склонность к мистификациям. Такой имидж ей обеспечила, что одно упоминание о том, что Ася Пална может, не дай бог, расстроиться, мгновенно пресекало любую истерику, купировало предоперационные и постоперационные психозы и наводило железную дисциплину. Светкиному внушению оказались подвержены не только пациенты, но даже персонал. Именно благодаря Светке авторитет у Аси в отделении был непререкаемым. Ася только одного не могла понять: почему Светка, выдумавшая и распустившая все эти легенды, и сама в них верит? Иногда вдруг просила:

– Потрогай мне голову. Вот здесь.

В первый раз Ася Светкину голову послушно потрогала, а потом уже поинтересовалась:

– А что такое с твоей головой?

– Болит, – ответила Светка. – То есть болела. Ты потрогала – и все прошло. Спасибо.

Ася тогда рассердилась, долго рассказывала Светке о вреде суеверий, стыдила за махровую дрему-честь, советовала померить давление, съесть табле-точку и вообще сходить к врачу. Лучше всего – к психиатру. Светка пререкалась:

– Подумаешь – давление! Подумаешь – таблеточка! Подумаешь – врачи! Что они понимают, эти врачи? Ты вон только потрогала – и все прошло.

– Свет, ты думаешь, что говоришь? – обиделась Ася. – А я, по-твоему, кто?

– Ну да, ну да, – согласилась Светка с готовностью. – Ты врач, а как же... Но ведь не как остальные всякие-прочие. Ты ж еще и колдунья. Да ты не скрывай, это уже все знают, чего там...

– Ты же сама это и выдумала! – сердито напомнила Ася. – Сама выдумала, сама всем растрепала, а теперь, выходит, сама же и поверила!

Свет, это массовый психоз. Неужели не понимаешь?

– Понимаю... – Светка сделала выражение лица типа «обижаешь, начальник». – Чего ж тут непонятного? Массовый психоз, конечно... Только голова-то у меня уже не болит. Ты потрогала – и все прошло. Сразу. Вот тебе и не колдунья.

Ася так и не поняла, поддалась ли Светка массовому психозу или, по обыкновению, дурака валяет. Но когда ей подставляли головы, или плечи, или локти, или спины: «Потрогай вот здесь, болит», – уже без раздражения трогала, выслушивала: «Спасибо», отвечала: «На здоровье» – и о махровой дремучести больше не думала. Ну, верят люди – и верят, что ж теперь... Пусть, раз им это помогает. Про себя-то она все знала. Какая колдунья? Смешно. Однако при необходимости это всеобщее дурацкое мнение о себе использовала на полную катушку. Вернее, чаще Светка это всеобщее дурацкое мнение об Асе использовала на полную катушку. Для пользы дела – почему бы и нет? Ася ей при необходимости подыгрывала. И медсестры подыгрывали, и санитарки, и врачи, и баба Женя, и даже сам Плотников. Светка считала, что не подыгрывают, а по-настоящему верят. Асе удобней было думать, что все-таки подыгрывают. Совсем неудобно было бы думать, что в колдовство могут верить ее коллеги. Особенно сам Плотников.

В дверь заглянул Плотников. Легок на помине.

– Ася Пална, у вас найдется минутка? Примерно на полчаса...

Наверное, ребенка привезли. Почти со всеми детьми работала Ася. Считалось, что они ее не боятся. Считалось, что она любого из них может успокоить за пару секунд. Считалось, что она никогда не сделает больно... В общем, считалось, что она колдунья. Вот еще крупное неудобство от дурацкого мнения. Асе с детьми работать было трудно. Всем, конечно, было трудно с детьми работать, и все при возможности старались от этого увильнуть. Законная возможность увильнуть – наличие в отделении Аси. А ей увильнуть никакой возможности не было. Ай, что ж теперь... Ладно еще, что требуется минутка всего на полчаса. Это значит, что травма пустяковая. Может быть, даже и не травма. Может быть, просто соринка в глаз попала, но ребенок в руки никому не дается.

– Мальчик, девочка? – деловито спросила Ася, убирая истории болезней со стола в шкаф. – Сколько лет? Сильно нервничает? Как зовут? Я сейчас...

– Скорее мальчик, чем девочка... – Плотников оглянулся, открыл дверь пошире, вошел в ординаторскую и опять оглянулся: – Нет, что это я... Конечно мальчик, однозначно – мальчик, без всяких сомнений. Я не знаю, сколько ему лет. Но большой уже. Даже очень большой, я бы сказал – огромный... А нервничает сильно. Мне так кажется. Однако пытается это скрыть. В смысле – нервы. У него это хорошо получается. В смысле – скрывать...

Ага, у Плотникова хорошее настроение. А с чего ему быть плохим? Экстренных сегодня пока не было – тьфу, тьфу, тьфу, на прием пришли те, кого он сам оперировал, там вообще никаких гадких неожиданностей быть не может... Больной из пятой палаты – выше всяких похвал, и даже то, что он получил фингал вокруг правого глаза после операции, не угробило работу Плотникова. Вот интересно: как появление фингала объяснил Плотникову квадратный?

– А имя мальчика я не знаю. Виноват... – Плотников сделал выражение лица типа «и ничего не виноват», опять оглянулся на дверь и спросил: – Майор, а как тебя зовут-то? А то правда нехорошо...

Квадратный боком, правым плечом вперед, протиснулся в дверь, остановился и несколько растерянно сказал:

– Так майор Мерцалов... Илья Алексеевич Мерцалов.

– Красивое имя, – одобчительно сказала Ася. – Сами выбирали?

Плотников ехидно хихикнул. Квадратный совсем растерялся:

– Нет, ну как... Мне ж такое присвоили...

– Вместе со званием? – уточнила Ася. – Неплохо, неплохо. У вашего начальства хороший вкус.

– Да не, это не начальство. Это родители... – квадратный сделал выражение лица типа «конечно, простого мента каждый может обидеть».

– Чьи родители? – Ася сделала выражение лица типа «давайте не будем о простых ментах».

Плотников опять ехидно хихикнул. Квадратный едва заметно ухмыльнулся и хитро блеснул глазами, чуть не выйдя из образа, но тут же спохватился и прочно вошел в образ по самое темечко:

– Так мои личные родители. То есть персональные.

Ага, в несознанку ушел. Напрасно. А ведь по роду занятий должен знать, что чистосердечное признание...

– Я ж предупреждал! – Плотников обернулся к квадратному с выражением лица типа «старших надо слушать». – Анастасия Павловна видит на три метра под землей. Это если не присматривается. А если присмотрится – то и на все двенадцать... Ладно, шутки шутками, а на вашем месте я бы рассказал ей больше, чем вы мне рассказали... – Обернулся к Асе, виновато развел руками, сделал выражение лица типа «так уж получилось» и просительно добавил: – Ася Пална, поговорите с майором, пожалуйста. Может, как-то все... систематизируется. А то хоть больных эвакуируй, честное слово...

Плотников ушел, тихо закрыв за собой дверь, в коридоре кому-то строго сказал: «К Асе Палне не лезть!» Квадратный поднял брови, сделал выражение лица просто дурацким и подозрительно спросил:

– Так кто тут главный-то? Он тут главный или вы?

– Тут баба Женя главная, – хмуро ответила Ася. – Потому что она всех кормит... Ладно, господин майор, предлагаю считать главным здравый смысл. Так что сядьте вот на этот стул, он железный, и расскажите мне о своих проблемах и сомнениях. Возможно, я действительно сумею помочь.

Квадратный осторожно уселся на стул, качнул головой и с интересом спросил:

– А вы правда ведьма?

– Кто вам сказал? – возмутилась Ася. – Это гнусные инсинуации. Как вы можете верить глупым сплетням? Во-первых, не ведьма, а колдунья. Во-вторых, ни ведьм, ни колдуний не существует в природе. В-третьих, это к делу не относится. Я ответила на ваш вопрос? Теперь, если вам не трудно, ответьте на мой: что происходит?

– Мне тоже хотелось бы это знать, – серьезно сказал квадратный. – Многим хотелось бы это знать... Я для того и приехал, чтобы выяснить. А тут вон чего – Гонсалес опять в больнице. Да еще с глазом. Очень неудачно получилось.

– С глазом – это удачно, – строго поправила его Ася. – Неудачно – это когда без глаза. Если можно, уточните один момент: что значит «опять в больнице»? У нас он впервые.

– Ну да, с глазом – это у него впервые, – согласился квадратный. – Раньше все больше с переломами попадал. Ну, еще с ножевым ранением однажды. Так что не к вам, конечно. За последние полтора года его пытались убить четыре раза... Может быть, больше, но другие попытки неизвестны, потому что, так сказать, не оставили материальных свидетельств. А он молчит.

Вот тебе и на... Оказывается, все гораздо хуже, чем она думала. В ее тихом, уютном, чистом отделении – человек, за которым охотятся убийцы! Вот почему сюда целую армию согнали. Конечно, маразм, она это сразу поняла. Только оперированных старушек распугивают. А настоящему убийце ничего не стоит прийти в отделение. Под видом посетителя. Под видом пациента, ожидающего приема. Под видом врача из другого отделения, наконец. Это же все каждый день по телевизору показывают. Что ни фильм – то пособие для начинающего киллера. Эти-то что своей головой думают? Охранники! Больного наручниками к кровати приковывают! Сидят всей толпой с автоматами на изготовку в одной палате! А под ударом – все отделение! Не говоря уж о том, сколько грязи нанесли. И еще нанесут.

– Мы думали, что заключенного после операции можно будет поместить в тюремную больницу, – сказал квадратный, будто отвечая на ее мысли. – Там понадежнее было бы. Но Игорь Николаевич говорит, что это исключено. После такой операции необходимо постоянное наблюдение врача, перевязки, процедуры, уколы какие-то особые. В общем, он запрещает перевозить Гонсалеса в тюремную больницу. А здесь у вас просто проходной двор. Эффективную охрану организовать практически невозможно. Тем более что никто, кроме стариков в наряде, не посвящен в суть дела. Все уверены, что сторожат опасного преступника. Очень опасного... Убийцу. Я тоже до приезда сюда мало чего знал. Материалы дела очень... непонятны. Да и нестыковок много. Конечно, мне здесь помогают. Но... чужая земля. Я пока не знаю, с кем можно... То есть кто из местных...

Квадратный замолчал, отвел глаза и тяжело вздохнул.

– Ясно, – нарушила молчание Ася. – Вы пока не знаете, кто из местных – редиска, а с кем можно пойти в разведку... Знаете, господин майор, давайте-ка с самого начала и поподробнее. Если это не государственная тайна.

– Сначала – это почему я приехал? – неуверенно спросил квадратный.

– Насколько я поняла, это уже ближе к концу... – Ася сделала выражение лица типа «сейчас двойку поставлю». – Сначала – это: во-первых, кто такой этот Гонсалес; во-вторых, за что и давно ли он сидит; в-третьих, почему, если на его жизнь уже четыре раза покушались на протяжении полутора лет, вы обратили на это внимание только что; в-четвертых, почему вы приехали на чужую землю, как вы это назвали; в-пятых... Впрочем, остальные пункты – по ходу дела. Вы запомнили вопросы?

– Да... Кто такой, за что сидит... Вы разве не знаете? Я думал, все уже знают. Сегодня даже в какой-то местной газете информация была, что опасного преступника оперировал сам Плотников.

– Я газет не читаю, – нетерпеливо сказала Ася. – Я привыкла информацию из первоисточников получать. По возможности – в неискаженном виде. Вы можете в неискаженном виде информацию излагать?

– Так точно, – обреченно доложил квадратный. И стал излагать информацию.

Сергей Константинович Гонсалес, семьдесят девятого года рождения, образование высшее, ранее несудим, москвич, владелец спортивного клуба, тренер по каким-то восточным единоборствам, отец – военный служащий, мать – преподаватель... По всему – очень благополучный сын из очень благополучной семьи. Но не единственный сын. Был в семье еще младший, не такой благополучный. То есть – совсем не благополучный. В шестнадцать лет бросил школу, о чем родители узнали только через месяц: мать случайно встретила на улице классную руководительницу, та между делом выразила сожаление, что такой способный мальчик зачем-то пошел учиться на каменщика. Или на штукатур-маляра, она уже не очень точно помнила, что он говорил, забирая документы... Мать пришла домой и рассказала отцу последние удивительные новости. Отец устроил сыну допрос с пристрастием. С применением моральных пыток в виде угроз лишить младшенького вполне пристойных карманных денег и вдобавок сообщить старшему брату о его поведении. Под моральными пытками младшенький чистосердечно признался, что чихать он хотел на школу, на родителей и даже на старшего брата, а карманные деньги, которые выдавали ему родители, пристойными ни в какую погоду не считает – он сам уже сейчас в десять раз больше может заработать. Пока отец рассказывал о долге перед семьей и обществом, а мать пила корвалол, младшенький взял свою сумку, вытряс из нее несколько долларовых сотен, сказал, что остальной долг семье вернет постепенно, и ушел из дома. Родители кинулись за помощью к старшему. Тот искал брата неделю. Нашел в каком-то ночном клубе. Сразу брат за ухо и возвращать к родным пенатам не стал. Он не понимал, почему младшенький ушел из дома. Семья была дружная, жили в достатке, родители были любимыми и любящими. Никаких причин для ухода не было, но, тем не менее, пацан ушел. Старший осторожно понаблюдал за младшим. С ужасом заподозрил наркотики. С еще большим ужасом понял, что похоже не на употребление, а на распространение. Пока думал, каким способом можно вынуть младшенького без риска для его жизни из этого бизнеса, младшенький от наблюдения ушел. Опять пришлось искать. Нашел почти случайно, на Курском вокзале, чуть не потерял из вида, однако все-таки заметил, что младшенький садится в поезд южного направления. Покупать билет было уже некогда, прыгнул в соседний вагон тронувшегося поезда, с три короба наврал проводникам про семейные обстоятельства, раздал в разные руки в общей сложности четыре тысячи рублей, выяснил, в каком купе едет младшенький, и попросил проводников устроить его самого в соседнем. Всю ночь не спал – боялся, что брат выйдет где-нибудь на полдороге. Брат вышел на конечной станции. С довольно большой спортивной сумкой. В черных очках. В шесть утра. Заметно нервничал, без толку крутил головой, надолго задержался у газетного киоска, уставясь сквозь черные очки в стекло. Ничего не купил, провожаемый подозрительным взглядом зевающей продавщицы, пошел в здание вокзала. Точно – вляпался... Старшему брату казалось, что не только ему, но последней уборщице совершенно ясно: пацан не просто так надел черные очки в шесть утра, не просто так вертит головой, не

просто так нервничает. Пацан по уши вляпался в криминал, и долг каждого законопослушного гражданина... Ну и так далее.

На вокзале к младшему подошли четверо парней лет по двадцать пять. Старший решил: все, сейчас братишку повяжут. Но парни повели себя дружелюбно, пожали младшенькому руку, похлопали по плечу, взяли у него сумку, все вместе вышли из здания вокзала, смеясь и о чем-то болтая. Младшенький перестал вертеть головой, снял черные очки, тоже болтал и смеялся. Старший пошел за веселой компанией, на ходу прикидывая, что делать, если все они сейчас сядут в машину и уедут неизвестно куда. Увидел двух милиционеров у входа, решил уже обратиться к ним, но тут веселая компания в полном составе свернула от входа налево, и он опять чуть не потерял из вида младшего брата. Кинулся вслед за компанией, заметил, что ни в какую машину никто не сел, все гурьбой шли через площадь, в проулок между левым крылом длинного вокзального здания и старым жилым домом. Несмотря на ранний час, народу возле вокзала было много – и на привокзальной площади, и на троллейбусной остановке, и в том проулке. Поэтому он пошел за компанией, постепенно подходя все ближе. Собирался догнать, поравняться, оглянуться, удивиться и сказать что-нибудь вроде: «О, привет! Сто лет тебя не видел. Как жизнь?» А потом – по обстоятельствам. Эти четверо – не противники, если у них нет оружия. Да если даже есть – все равно не противники.

Компания свернула за левое крыло здания вокзала, он прибавил шагу, свернул следом – и почти наткнулся на высокий забор из серого шифера. Повертел головой, заметил пролом в шиферном заборе, торопливо направился туда. За забором были железнодорожные пути, свалка слева прямо рядом с путями и мост справа над путями. Компания шла к мосту. Младший брат шел в центре компании. Один из парней отстал, полез под куртку, под мышку, потом – в правый карман куртки, что-то вытащил, стал деловито вертеть в руках. Глушитель на ствол навинчивал. Но это старший понял только тогда, когда убийца спокойно, как в тире, поднял руку с пистолетом...

– Пашка, ложись! – заорал старший брат и прыгнул вперед.

Пашка вздрогнул, оглянулся – и стал падать. И убийца стал падать – старший брат в прыжке сбил его на землю, сломал его, наверное, даже убил, но сейчас он думал только о том, что – поздно. Пашка все падал и падал, и смотрел виноватыми глазами, и медленно открывал рот, будто хотел что-то сказать, или воздуха ему не хватало, или он просто удивлялся... А те, которые были рядом с ним, одинаково ощерились и одинаково полезли под свои одинаковые куртки, и тогда он понял, что их обязательно надо остановить, вдруг Пашка еще живой, вдруг его можно спасти, а если их не остановить – они его убьют. Двух, которые первыми выдернули пистолеты из-под мышек, он остановил сразу. Они не были ему противниками, даже с пистолетами. Тем более что оба они собирались стрелять сначала в Пашку. Так ему показалось, потому что оба они, уже с пистолетами в руках, оглянулись на Пашку. Прыжок, удар ногами – по одной ноге на каждого, – и оба отлетели к опоре моста, впечатались в бетонную поверхность спинами и затылками, мешками свалились на потрескавшийся асфальт. Третий, который нес сумку, удирал вдоль путей. На бегу обернулся и два раза выстрелил. Споткнулся, чуть не упал, выронил пистолет, но подбирать его не стал, побежал быстрее. Он бы его догнал, конечно. И сбил бы с ног, и поломал бы, и даже, может быть, убил бы. Но тут младший брат тихо сказал за спиной: «Сережа». Он не стал догонять того, с сумкой. Пашка был живой. Ему нужна была помощь. Он сел рядом с ним на землю, положил его голову к себе на колени, вынул телефон и долго пытался вызвать «скорую помощь». Наконец дозвонился. Не знал, как объяснить, куда надо ехать... Рассказывал, что это за левым крылом вокзала, где шиферный забор. Его спрашивали, какой вокзал он имеет в виду. Он сказал, что железнодорожный. Его спросили, знает ли он, сколько в Москве железнодорожных вокзалов. Он сказал, что это не в Москве. Ему сказали все, что о нем думают, и повесили трубку. Как вызвать местную «скорую помощь», он не знал. Он сидел на земле, смотрел, как тот, который удрал с сумкой, садится в маленькую спор-

тивную машину, раскрашенную под божью коровку, и уезжает. Думал, почему не появляется милиция. Тот, который уехал на божьей коровке, стрелял два раза. Вокзал рядом, там полно милиции. Выстрелы должны были услышать. Милиция должна появиться быстро. И вызвать «скорую». И тогда Пашку спасут.

Милиция появилась быстро, минуты через три после выстрелов. Божья коровка даже еще не скрылась за углом старого кирпичного здания, стоящего в полутора метрах возле железнодорожного тупика. Он показал: вон машина, в ней четвертый уезжает. Ему посоветовали не лезть не в свое дело. Он сказал: «скорую» надо, Пашка ранен. Ему надели наручники. Когда уже увозили, он увидел, что «скорая» все-таки приехала. Потом узнал: опоздали.

«Сопротивление органам правопорядка» получилось так. Задержанный сидел в наручниках и отвечал на вопросы. На вопрос «Кто стрелял?» ответил, что из пистолета без глушителя стрелял тот, кто удрал на маленькой спортивной машине, раскрашенной под божью коровку. Легко найти, вряд ли таких машин в небольшом городе много. Скорее всего, одна, тем более такая дорогая. Органы правопорядка в смятении переглянулись. Один быстро шагнул к нему, замахнулся автоматом: «Не бреш!» Он инстинктивно выставил блок, поймал ствол автомата короткой цепью наручников, слегка дернул, повернул – автомат отлетел в сторону, по пути задев прикладом челюсть хозяина. Менты немножко попинали его ногами. Он мог бы и со скованными руками уложить их всех за минуту – их всех и было-то всего пятеро, – но сопротивляться не стал. Они же думали, что он преступник. К тому же он все время ждал известий о Пашке.

Следствие провели стремительно. Суд прошел за полчаса. Его приговорили к четырем годам за превышение необходимых мер самообороны. Те трое, которых он убил, были в розыске за разбой и сбыт наркотиков. Но он же их убил, а они его даже пальцем не тронули. К тому же – сопротивление органам... А того, который удрал, не нашли. Дорогая спортивная машинка, раскрашенная под божью коровку, в городе была одна. Но десять свидетелей показали, что в указанное время она смирно стояла в автомастерской без двух колес, так что никуда ездить не могла. Еще десять свидетелей показали, что хозяин машины в указанное время в пятидесяти километрах от города, на даче у приятеля, кушал шашлык и слушал музыку, так что ни за каким вокзалом ни бегать, ни тем более стрелять не мог. И пистолета, который выронил убежавший, так и не нашли. Потом в материалах дела вообще не оказалось никаких упоминаний ни о машине, ни о пистолете, ни об убежавшем с сумкой.

Первый раз заключенного Гонсалеса пытались убить через месяц после его появления в колонии. Вроде бы случайно, в общей драке. В общей драке заключенному Гонсалесу всадили в спину нож. Остальные участники общей драки, девять человек, получили переломы и травмы примерно одинаковой степени тяжести. Один не выжил. Двое остались инвалидами. Выжившие показали, что всех их поломал заключенный Гонсалес. Один. Голыми руками. С ножом в спине. Им просто не поверили.

Второй раз в общей драке участвовали уже пятнадцать человек. С железными прутьями арматуры, трое – с кастетами. В общей драке заключенный Гонсалес получил переломы трех пальцев левой руки, поэтому остальные участники общей драки отделались легко – все остались живы, никто не стал инвалидом, а четверым удалось удрать вообще невредимыми. О заключенном Гонсалесе пошли легенды.

В третий раз никаких общих драк не было, был несчастный случай на стройке, где работали заключенные. Из оконного проема второго этажа на заключенного Гонсалеса ни с того ни с сего свалился короб с кирпичами. Заключенный Гонсалес услышал движение над головой, поэтому от основного содержимого короба сумел увильнуть каким-то противоестественным способом. Никаким естественным способом он увильнуть не смог бы, как потом говорили свидетели. Но два кирпича его все-таки достали: один только оцарапал плечо, а другой перебил ключицу.

А вот сейчас – травма глаза. Проникающее ранение, да. Тоже вроде бы несчастный случай, и тоже на стройке. Что-то они там поднимали вшестером. Тяжелое. Один из поднимающих решил использовать в качестве рычага гвоздодер. Но нечаянно попал этим гвоздодером заключенному Гонсалесу в глаз. Похоже – действительно нечаянно. В глаз попасть не хотел, хотел по темечку. Заключенный Гонсалес от прицельного удара опять увернулся каким-то противоестественным способом: стоял к гвоздодеру спиной и замаха видеть не мог. Однако увидел, прыгнул в сторону, обернулся как раз в тот момент, когда гвоздодер рассадил ящик в том месте, над которым он только что стоял. У того, с гвоздодером, была хорошая реакция: он не удивился, не стал терять времени, а опять поднял гвоздодер и кинулся на заключенного Гонсалеса. В глаз все-таки попал, но только потому, что один из свидетелей очередного несчастного случая на стройке внезапно свалился заключенному Гонсалесу под ноги, сильно толкнул под колени, вцепился зубами в икру... В общем, отвлек на целую секунду. Удар гвоздодером получился не очень сильным, но точно в глаз. Почти точно. Тоже отвлек на пару секунд. Поэтому при несчастном случае на стройке в этот раз инвалидность заработали только двое: тот, который махал гвоздодером, и тот, который падал под ноги. Остальные успели удрать. Заключенного Гонсалеса отвезли к самому Плотникову. Надели наручники. Руки на всякий случай – за спиной. Дань уважения.

– Очень интересно излагаете, – похвалила Ася рассказчика. – Образно и даже трогательно. Логике повествования противоречит только одно обстоятельство. Откуда вы знаете такую массу мельчайших деталей? Вплоть до цвета шиферного забора. Не говоря уж о машине и пистолете, которые, как я поняла, в материалах дела вообще не упоминаются. И сколько тысяч он раздал проводникам... И как звонил в «скорую помощь»... И как выбил автомат из рук мента... прошу прощения – вашего коллеги... Да и детальное описание драк... Вы же не были их свидетелями?

– Работаем, – уклончиво ответил квадратный и сделал выражение лица типа «эту тайну я унесу с собой в могилу». – Я ж все-таки не один приехал.

– Да что вы говорите?! – радостно удивилась Ася и сделала выражение лица типа «я ни разу не смотрела детективных сериалов». – Не один – это утешает и даже радует. Тогда объясните мне, пожалуйста, почему, зная все обстоятельства дела довольно точно, вы водите больного Гонсалеса в наручниках и под дулами автоматов? И сами ходите за ним с таким видом, как будто готовитесь ловить сорвавшуюся с цепи бешеную гориллу? И приковываете больного к кровати наручниками! Это человека, который, судя по вашим же словам, до сих пор жив только потому, что имел возможность защищаться! Эта линия вашего поведения как согласуется с тем, что вы мне рассказали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.